

Вну́чке Мари́и.

Автор

Анатолий Можаровский

Поэтические тетради

Анатолий Можаровский

Белая вишня

Моя первая

Київ
2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75   Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.1. — Киев, 2011. — 400 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледяном одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

ISBN
ISBN

© Можаровський А.І., 2011.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2011.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2011.
© Мालюк М.М. передмова, 2011.

ПОЭТ В НЕ-ПОЭТОВ ВРЕМЕНА

Нынешние власть предержащие и подпевающие им имитаторы от культуры, отвечая на упрёки о нищенском состоянии литературы и литераторов, — тиражи книг в сегодняшней Украине смехотворны! — лицемерно заявляют: Есенина, Пастернака, Ахматову тоже издавали в количествах не превышающих сотню-другую экземпляров, что не мешало им стать великими поэтами; и, вообще, нечего сетовать и попрошайничать у государства: мы же вам рынок дали — он и решит, он и урегулирует ваши проблемы, работайте, платите налоги и всё устаканится. Да, красиво излагают! За двадцать лет поднапорели во лжи и демагогии, куда их коммунистическим предшественникам! Одурманив сказками о справедливой приватизации и бреднями о рыночной экономике довели народ до полнейшего одичания, разбудив в нем самые низменные страсти и желания: зависть, жадность, жестокость и продажность, неутолимую жажду денег — любой ценой. Какие уж тут книги, какая поэзия! Даже в кошмарные годы революции и гражданской войны, поэзия была востребована: пусть скромными тиражами, на плохой бумаге, но книги печатались, их читали, о них дискутировали, выступления поэтов собирали огромнейшие аудитории — вспомним хотя бы “дуэль” Есенин-Маяковский, а в Украине — триумф молодых Павла Тычины и Владимира Сосюры.

Анатолию Можаровскому суждено было стать поэтом в нынешние, не-поэтов, времена и нести этот тяжкий, почти неподъемный крест, оставаясь неслышанным современниками. Испытание славой — ничто в сравнении с испытанием равнодушием и незамечанием; нет убийственнее для поэта, писателя отсутствия внимания читателя; а сегодня, стоит сказать правду, и самого-то читателя нет. Не читают сегодня книг! Не читают даже те, что с пеной на губах дерут глотки на митингах: кто отстаивая “великий и могучий, второй государственный”, кто защищая “солов’їну” — полезнее было бы и для них, и для “защищаемых” ими языков, если бы они на деньги, истраченные на проезд, флаги и пиво, выпитое после “баталий” политических, купили книги.

Хронологически поэзии Анатолия Можаровского — дневниковые записи, хотя здесь и нет прямого отображения текущих событий; автору удается очень тонко и точно подмечать влияние этих событий, изменений в политической и экономической жизни на душу и настроение современного человека: тревога, неуверенность, безисходность, всеобщая озлобленность, загнанность, метания в поисках выхода — всё это присутствует в каждом стихотворении. Дневник предполагает максимальную степень открытости — зачем же врать самому себе? Анатолий Можаровский честен и откровенен, даже безжалостно требователен к себе, понимая, что без искреннего признания своей греховности, без искреннего раскаяния и сознательного неделания зла, нет исцеления души человека, поэтому

он сам несет
себя на эшафот.

Лицемерие нашего времени — внешняя, показушная религиозность: как грибы после дождя растут храмы, возводимые на “пожертвования” не кровно заработанных, а поистине “кровных” денег: на обмане, откровенном разбое, заказных убийствах выросли наши “успешные” банкиры и бизнесмены, ныне так щедро жертвующие на храмы разных конфессий, умножая тем самым раздоры и в так уже далекой от братолюбия стране. Да и народ то в большинстве своём вспоминает о Боге в лучшем случае дважды в год: на Рождество и Пасху, привычно живя по собственным, удобным, законам, начисто отбросив Законы Божьи. Вот и имеем при обилии храмов и священнослужителей при них безбожное, духовно мертвое и вымирающее физически общество. Понятно, что все попытки “возродить и обустроить” страну заканчиваются очередным позорным фарсом. Вот Анатолий Можаровский с горькой иронией и предлагает:

Поэту б стать
законотворцем!
Все законы —
чисты, как ложки,
на обеде у царя,
все в них ясно,

на сегодня и вчера,
просто как
Скрижаль от Бога:
что нельзя,
а что возможно.
Но сегодня нас законят
потерявшие умы.
Мир законов —
время тьмы.

Наверняка, прислушайся мы к поэту, точно бы не построили государство, где политикам-разрушителям, доводящим народ до нищеты и низвергающим его в дикость, платят огромные зарплаты, щедро осыпают пожизненными льготами и благами, а людей творческих, созидających, самоотверженно работающих на будущее унижают до положения “бомжа”...

Анатолий Мозафовский, хотя и пишет преимущественно на русском языке, поэт исконно украинский, и не только потому, что описывает реалии нынешней и прошлой Украины; в его поэзии улавливаются аллюзии, реминисценции классической украинской поэзии; русский язык для него необходимый, более жесткий, инструмент высекаания искрящихся, обличающих инвектив. Украинский стих А.Мозафовского спокоен, плавен, с явными вкраплениями песенных мотивов, можно сказать он более экономен, но и более трагичен:

Дерев'яна цеберка —
вимита, чиста,
накладена м'ясом
посипаним сіллю.
Стоїть солонина
в темній коморі,
а мати
піч топить,
квола,
очі бляклі,
байдужі,
немов би сліпі...
Вогонь у печі,

закипає вода,
діти на ліжку...
Уже не біда,
буде що їсти,
всіх нагодуєм —
вчора зафізала доньку.

Ярко вираженная балладность прісуща и многим русским поэзиям Анатолия Мoжаровского. А еще они очень близки к ныне забытому жанру городского романа. К сожалению, современная попса вытеснила эти трогательные, искренние, а часто и остро обличительные песни, исполняемые под тихий перебор гитарных струн.

Поэту Анатолию Мoжаровскому в не-поэтов времена удалось создать поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

Михайло МАЛЮК

Ощущение света

***

Сила тоски,
цена печали:
любовь,
куда тебя не звали.
Но ты увидел и пошел,
весну свою, решил,
нашел,
и то, что всю жизнь хотят
почти что все.
И были дни:
казалось, звезды светят для тебя...
Но вот любви похмелье —
и снова — пустота,
свинец в груди
и тяжесть на душе,
разочарование вдвойне,
надежда где-то вдалеке...
И, может быть,
придет тот день,
когда вновь
оживет весна
и с небосвода
звезды снова для тебя,
и солнца свет,
не как вчера,
и свет его —
любви пора.
Все повторяется.
Но это не любовь,
это желание
счастливым быть.
И вновь ты выйдешь
не на тот порог,
и вновь придет тоска,
и вновь печаль
так глубока.

Подъем на три ступени вверх,
и падение вниз на сто пролетов —
так мир устроен.

Не легко
любовь хранить в себе,
и силу ее вновь
направить к небу
и к Творцу.

Ответ придет —

Он скажет:

— Я иду.

И ты получишь счастье и покой
среди гряды камней, в пустыне.

Вечный зной.

Везде борьба,
и скорби, и печаль...

Но не вздыхай,
а радуйся, живи
в покое
Божией любви.

24.09.09

***

Твоя судьба,
моя судьба —
лучи тупого,
градусов на сто,
угла.
И кто путь вверх,
и кто путь вниз
избрал, как тот карниз
на верхнем этаже
большого дома?
Муж и жена:
война, война, война.
И без конца
угрюммильная тоска
вдвоем под вечера.
Война,
даже когда молчат уста.
Лучи угла...
Кто вверх?
Кто вниз?
А ты смотри.
И под каким углом
твой взгляд?
Угол вращается,
и стрелы —
яд,
даже когда молчат уста.
Несение креста...
Перебороть себя
почти нельзя,
и ненависть в глазах:
«Убить пора!» —
приходят мысли даже днем.
И хочется убить —
так тяжело вдвоем.
И яд болотом
всасывает всех,
и тина разливается...

Успех
приходит в чем-то и кому-то,
но яд войны
и ненависти смута —
и с ними умирать и жить потом...
Как часто вижу такой дом.

24.09.09

***

Вменяемость и невменяемость.
Чем больше невменяемости,
тем реже вменяемость
в одном индивидууме
и в общей толпе.
Вменяемость — это норма.
Невменяемость — это сила,
это власть над пассивом,
это возможность украсть,
придушить, если нужно,
направлять стадо народное
по дорогам, где горе
и служба,
человек с ружьем в руках,
но не бедный, голодный солдат,
а чиновник —
хрясь тебе в лоб! —
подлец он редкий,
его невменяемость можно мерить
рулеткой,
она большая и ее видно.
А вменяемых
так мало встречается,
и так бывает обидно.
Но жизнь движется
по заданным картам:
сегодня и завтра
власть подлецов
и моральных уродов.
Если будет возможность
совесть свою тоже урою,
она мешает жить
и беспокоит,
а без нее все легко и доступно.

Вменяемость поделится местом
со своею недругой,
и разрастется как грибы
на пне
в дни осенние.
Невменяемость рассеется во мне,
я в это верю,
и пойдет жизнь
легко, безнатурно.
— Невменяемый! —
скажет кто-то когда-то.
— Пошел ты на фиг! —
ему отвечу
с нахрапом.

25.09.09

***

Все, что делается супротив
Божьей воли,
результаты трудов приводит
к боли
и абсурду задумок.
Время тратится
на глупости умных:
арийская раса двадцатого века
череп меряла —
формы, размеры —
отбирала ценных
в плену науки.
Итог плачевен.
Дошли до ручки:
власть, государство
и люди-пичужки
в развалинах зданий,
пыли и грязи,
дыму пожарищ,
могил братских —
миллионы ушедших...
Куда?
Один Бог знает.
Абсурд тщений
ради славы.
А что другие?
Во время это
и пострадавшие,
и бывшие бесов
все в вине,
не виноградном,
а виновны.
Они это знают,
но скрывают,
играются дальше
правдой.
Правда
стала букашкой,

найти ее
в мире огромном
стало сложно
и не достойно,
все планы ведут к абсурду
нации, лиги,
государства.
Бунты
внутри индивидуума
и снаружи народов,
все ведет
к глупости твердой
Воля Божия,
Его слово.
Но кто захочет
жить спокойно,
иметь мало
денег и власти,
женщин ярких
в постели кайфа?
Вся история —
войны, войны,
небольшие остановки,
рождение новых
солдат и мяса,
сбора денег,
и демократы, авторитары,
тоталитары — все ввали,
и врать будут.
Правда с болью
вырывается из клетки
на буйную волю,
но ее часто
по голове лекалом
тем, что меряли
арийцы «чаны»
только внешне.
А мозг и разум
кому это нужно?

В мире грязном
воля Божия,
Его слово
все равно живет
и с ним идут,
хоть и мало,
но споро.

01.10.09

***

Мир вороватый подглядывает
из-за угла соседней хаты
мордой заплывшей,
глазами с прищуром,
хитрыми, подлыми.
Мир ворует,
всех, кого смог, он втянул
в свою шайку.
К мэру собрались
воры и бандиты,
грабят и бьют.
О них в полицейских участках
дискеты,
пальцы с тюрьмы на планшетке
их ловят,
а выше сидят господа —
вид холеный,
и схемы, схемы,
и путают власть,
а власть вроде хочет
за родину стать,
но продается
этим мерзавцам.
И смешано стало все в мире
укравшем
себя много раз:
подпольные центры,
подпольные рожи
скупают у воров
каждый, что может,
и в банки несет,
потом продает,
меняет,
жиреет,
и молится Богу
за силу, здоровье,
и получает,
но не от Бога.

У них он свой,
богов очень много:
идолы мира —
наряды, ворье.
Многие нищие,
другие — ого!
И как бы решить
лозунг известный:
налог заплати,
и в постельку, да с песней,
спи там спокойно
и не бойсь.
А взять бы налоги
с воров,
заплатить,
и всех полицейских —
на другие труды.
Бандиты, воры
честно платят проценты
в казну, где такие же
истеблишменты,
и круг вороватой подлости
замкнуть,
и спать всем спокойно.
Пусть воры жрут
свою мерзость:
всем воровать,
и сразу — налог,
тогда можно спать,
всем и спокойно,
а так беспокойно:
из-за углов
морды торчат,
едрена их мать!

01.10.09

***

Ливень весенний
с громом
и тенью туч черных с неба,
ручьи пробивают дорогу
в низины, в овраг,
и там уже,
смешавшись с землей,
прошлогодней истлевшей травой,
кусочками веток сухих,
мутной водой
дно оврага
в минуту
стало озером
с мокрой вербою
на берегу...
Я в памяти все сохранил.
Сейчас это сон —
нахлынули чувства
весны той далекой,
первой любви,
и дальней морокой
жизни с успехом.
Холодное сердце
в жаркое лето,
и осень в багровых
тонах поднебесья,
холодное сердце
согреть бы
хоть чем-то,
но молот железный
и цепи с замками
навешал себе
и мечтаю о храме
в прерванном сне
для меня, как кошмаре.

На нашей земле
мы давно не бывали,
забыто, затеряно, брошено
ради
каких-то причуд
на диком параде
таких же как я
победителей жизни.
А сны беспокоят
меня, как булыжник,
упавший на голову
или на спину —
все там осталось
в громе весеннем...
Любовь оборвалась,
измучены нервы,
уже не до рыси,
только лишь совесть
сердце холодное щиплет.
И сон вот...

01.10.09

***

Не хочу общаться с подлецами
и рвать сердце свое на части,
не хочу пресмыкаться
перед бесчеловечной властью,
не хочу, не хочу...

Но надо.

Жизнь жить — это преграда, преграда,
преодоление того, что
пожирает нервы,
пытаться идти вперед
и оказываться снова
в карьере, там,
где торф копали
и осталось болото,
вылезать на берег,
обмывать тело,
и снова сил набираться от неба,
а небо терпит,
и новые цели
приветствует, поддерживает,
если они светлые —
мы часто сами цвета путаем,
дальтонизм исцеляемый
потом и кровью.

Путь, дорога,
усталость...

Но вдруг — любовь,
и все позади осталось.

Жизнь в цветах и вечном солнце,
и только тебе светят звезды,
день за днем наполнены
радостью беспредельной.

Потом расставание —
и снова серость
заливает пространство
внутри и снаружи,
и все вокруг опостылело:

лужи
грязной воды,
мокрые ноги,
и нет больше сил,
и день короче ночи,
холод, сырость
и подлецы рядом —
отбиваешься, уговариваешь,
сколько заразы!
И сам получаешь
свою долю мерзости.
Бороться нужно начинать с собой,
возвращаться к совести, чести.
По улицам идет
народ,
глаза пустые,
и немногие из них что-то чувствуют...
Так было и так будет —
это и есть жизнь,
и мы пока еще люди.

03.10.09

***

Время константа.
Оно стоит.
Время понятие условное —
это земля летит
по орбите-эллипсу звезды-Солнца,
одновременно
вращаясь вокруг своей оси,
день сменяется ночью,
зима весной,
все повторяется,
и с виду банально просто.
И мы не стоим.
Внутри все, как вначале, —
вечность молодости,
почти всегда,
и только, когда наваливается
усталость,
чувствуешь года,
которые земля промчала —
вселенский огромный
корабль
в космические дали.
Потом дети на ней летят,
а мы остаемся здесь телом,
душа вернется назад —
вечность движения
к цели —
вечной любви солдат.
С нами
Бог и Его творение.
Время не имеет смысла —
все бесконечно просто:
ты опять летишь.

03.10.09

***

Мне бы любви побольше,
мне бы любви так много
в майский день
под солнцем
в цветущем саду,
где розы
всех цветов возможных,
и запах вишен цветущих.
Мне бы любви так много,
как не бывает лучше,
чтобы ее глаза
искрились,
и в легкой дымке
не отрывали взгляд от меня,
а руки теплом своим
на небо седьмое
меня поднимали.
Мне любви своей
тоже хватило до края
за которым уходит
все.
Время и место встречи —
то ли земля,
то ли путь со звезд
на другую планету.
Щебет красивых птиц,
гул шмелей над цветами,
и мы с тобой
на двоих
делим любовь
под сияющими небесами.

03.10.09

***

Синь неба на глазах
сменилась на сизый серый цвет,
и ветер разгулялся,
в кронах леса шум и треск.
Могучий дуб,
как витязь из былин,
и первая капелька дождя,
как мужская скупая слеза,
по пожелтевшему листку
стекла,
за ней другая,
но уже со стоном
ветра
и поклонами мокрых деревьев до земли.
А дождь все нарастает,
и листья с ветром улетают,
и капли слез
перед глубоким зимним сном —
прощание природы
с летом
и дождем,
который жизнь давал.
Сегодня он —
символ слез,
но все равно любви
к Творцу
и Вечности.
Берез омытая кора,
и хороводом желтая
кружит листва,
и золотая ковры
на мхах полян.

Осенний дождь,
прощальный миг,
и в каждом
листике
такая тонкая
ко всем любовь.

07.10.09

***

Если бы я всем мстил,
тем,
кто, как мне казалось, заслужил,
за мной бы было кладбище
могил, —
за тысячу и более холмов
за те обиды, зло,
и это есть мирская вечная любовь,
из змей клубка
сочится ее плен,
ее объятия,
как тлен
со смесью плесени,
коварных запахов
и многих видов зла.
Вчера еще друзья —
сегодня хочется
в руках держать стилет,
топор, лом, нож, пистолет —
сколько орудий для
ублажения рассерчалой
родной души!
Вчерашний друг,
любовница,
и просто человек —
удар! —
и не дыши.
Все быстро, просто,
можно даже взрыв,
от Нобеля, за мир,
чуть динамита —
дым, гарь, кровь,
и мир в твоей душе, как вновь.
Но не надолго.

Завтра снова суд —
кто-то сказал,
кто-то пристал с претензиями,
как тот лист,
что в бане
от веника прилип,
или чужие вещи, бизнес, дом,
даже жена.
И вот с концом.
Вроде последний труп.
Но бесы выведут
на новый круг
обид и алчности,
и снова в ход ружье.
И так до бесконечности.
На тыщи лет.
Количество могил не счесть.
Горит свеча
перед иконой,
треск воска, дым
и пламя беспокойно —
то уменьшается, то вроде тухнет,
то вновь горит, дрожит,
а ты все просишь
тебя простить.

08.10.09

***

— Дам, дам, дам... —
первые слова Марии, —
— Дам, дам, дам, —
просит так еду.
Волосы, как рожь,
синева от неба
зацвела в глазах —
искрятся солнцем.
Первые слова...
Не проходят мимо
полеты птиц,
гул шмелиный,
и комар, который укусил.
На клумбах в цветах
запахи поглощает,
лицо купает в розах.
Милая, родная
от Бога
мне как орден —
высшая награда.

11.10.09

***

Ложь в политике —
политика абсурда.
Построили страну
из народа-верблюда,
топающего по пустыне,
пустыне Духа,
где ложь стала истиной,
а правда скрылась вся —
закамуфлировали
под слоем грима.
Адское варево
все накрыло,
и на подносе
с приправами «химиков»
подают «хамики» для двинутых
правду.
«Бентли» мчит
по улицам города,
скорость под двести километров,
гонится
мажорчик пьяненький,
сын папенькин,
убивает насмерть
молодую мамочку,
остался ребёнок,
муж и родители,
слезы на кладбище.
И судоводители
производят что-то
на кухне в потемках.
Здания истины,
где деньги в прихлебку,
мажор, оказывается
гепатитом «С» болевший,
и суд ограждает
его от тюремщиков,

и все принимают верблюды топающие
абсурд суда
и власти долбаной.
Вначале терпели,
потом плакали,
пытались бороться,
но силу прохрякали
за подачи в корытце,
которое рисовалось,
потом утюжилось
и умножалось —
картины для сдвинутых,
картины, сдвинувшие
сознание масс
от правды и истины.
В какое-то непотребство,
мы превратились,
ждем избавления
и выдачи новой житухи, чистой,
на бумаге, в рамочке,
с печатью и свистом,
где цифры лет,
и все хорошее там случится.
Но дорога проложена
главному нечистому
в шерсти и рогатому,
а мы покорежены,
как автомобили в аварии.
Что с нас теперь
взять?
И кто сможет?
Абсурд политики —
смять в блин
и на свалку бросить.
А пока тепло
и думать не хочется,
абсурд плывет

и косоворотится
на штандартах главных
в прессе
и обещаниях,
и мы даже верим
новым «хамикам».

11.10.09

***

Все від неба,
все від Бога.
Страхіть на мою долю
випало немало:
то влада шаленіла,
то хвороби не давали жити,
то хотів когось любити,
а бачив морок,
хоч день починався
яскравим сонцем.
Страхіття на десятиліття...
Я хотів мати крила,
лишити тіло,
летіти в вирій
з птахами —
марні мрії.
Страх лишався.
Я терпів,
і рвався вгору,
а примхи долі
тримали тіло в тій неволі,
яку я сам створив
собі думками,
любов'ю до земного
та гріхами.
Час плине,
з неба світло
видно.
Тепер воно в мені.
І назавжди.

12.10.09

***

Мои слова ложатся на бумагу
плетью,
но это не со зла,
это от любви к человеку —
хочу, чтобы всегда
все всех любили,
чтобы Земля всех
вдоволь накормила,
а не химических лабораторий
«ешки»,
которые по-скотски
хищно
продаются даже деткам,
и все ради любви к богатству,
с которым якобы
приходит счастье
и слава с уважением.
Смешно!
Богатых ненавидят
так давно.
— Богатый — вор, —
вам скажет каждый,
и сам богатый, совесть
потерявший, как бумагу
ночью,
знает — вор.
От них все горе.
От них Земля в химических
заводах,
От них поля — пустыни,
и коровы растут
в Европе,
у нас — хилые телом,
полуиздохшие, олигофренелые.

Но им все мало,
и они рвут все на себя,
мол, это бизнесмены.
Мои слова, как плоть,
врезаясь в тело:
как научить вас люди
с нелюдей вернуться в племя
себе подобных,
где любовь все согревает —
костер один на всех?!
Но все мечты, мечты...
Земля охладевает, а вера
в счастье медленно,
тихонько умирает.

13.10.09

***

Ты скоро снова придешь ко мне,
как тогда в первый раз
в октябре,
в парк под наши дубы
с листьями красными
в блесках капель воды
осенних дождей,
ты снова придешь ко мне,
но скорее всего лишь во сне.
Ты не стала моей судьбой,
хоть любовь уводила вновь
и меня и тебя
далеко,
но скорее всего
это был бег от тоски
и твоей, и моей.
Не спеши.
Все у нас с серым небом вначале —
мы получали каждый свое:
я прятался от бурь, потрясений, —
в тебе,
но это спасало на день,
может два или три...
Мы навсегда ушли
в стороны разные лета.
А я все надеюсь уйти
от тоски,
снова к тебе.
Ты не спеши.

15.10.09

***

Живет человек,
совершенство разум,
совершенство тело,
бывает, все сразу.
За толкотней достижения цели,
исполнения миром
поставленных планок:
квартира, машина, дом,
жена, дети,
образование,
если уместно.
Все достигается
от самодовольства,
часто и больше,
чем нужно для жизни.
А где те нормы,
или, как их,
нормативы?
Все относительно.
И мы завихрили
с рождения дня
до самой последней
точки
или просто могилы.
Памятник.
Столик.
Скамейка.
Цветы.
Воры не спят,
и прут все, что видят:
столик уходит во Вторчермет,
на водки бутылку
и горе родным.
...Был человек —
холмик остался,
рядом — столик и лавочка,
фото на камне,
а то, что собрал — сотрется, исчезнет,
как дым.

Ради чего
суетился, не спал?
Столик оставил и лавочку,
и такой же их взял и украл.
Можно новый там же, на кладбище,
стол заказать.
Надолго?
И что это дает?

15.10.09

***

Ветер с воем в подворотню
клубы снега вглубь неся,
вырываясь на просторы
старого двора,
кружит в нем среди деревьев,
натывается на стены,
оставляя на карнизах снег.
Вечер кутается в шали
снега белого как пух,
окна желтыми вдруг стали —
свет внутри,
и там мой друг,
в одном из них,
не зная,
что я здесь
давно играю на забытой
всеми стуже.
Я так живу,
оставшись там,
где мне мало лет,
и гам людской не для меня.
Тоска — моя сестра:
то ушла,
то пришла...
Снег ложится мне на плечи,
пролетает по лицу,
я с тобою в этот вечер,
здесь в зиме,
в снегу,
и твое дыханье слышу
рядом,
как всегда.
Ветер снова ищет выход,
как и я тогда.
...А теперь лишь свет
в твоём окне горит.

18.10.09

***

Я смотрю ночью в зеркало,
вспоминая тебя,
и вдруг
рядом отображение
твоего лица,
и улыбка счастья,
и слеза
моя.

Я любил, люблю,
мне любить — судьба.
в этом жизнь моя,
в этом слове все —
в нем миры и жизнь,
в нем твои глаза
в зеркале —
влюбись!

18.10.09

***

Бог поругаем не бывает —
мы знаем и, вроде бы, понимаем:
исполнять Его заповеди,
писанные нам, грешным,
но нас уводит
все дальше к лесу
сухих деревьев
болот и гадов.
Блуд оправдывая
неземной любовью,
бросаем семьи,
создаем по-новой,
страдают дети
и еще вчера любимые.
Но мы неисправимы,
сребролюбивы.
А как иначе?
Люд особый
в лучах горячих
своей короны —
элитник знаный,
бизнес-полковник, —
им нужно много,
им нужно больше.
А откупиться?
Паперть,
копейка
нищему в руку.
А что в душе тех,
кто допустил
эту разруху?
Элитник выше.
Он бог земли,
своих гектаров,
своих домов
и кабинетов,
он верит тоже
с свечой и хлебом.

В храме святом,
на видном месте,
в праздник большой
стоят абсцессы
страны, земли —
не понимают:
Бог есть любовь.
Его обманешь?

18.10.09

***

Вступая в должность мэра,
радо,
с улыбкой на лице, бравадой,
слова его не раз звучали:
— Киевляне!
Мне ничего от вас не надо!
А рядом с ним команда
с бывшего базара,
сбившаяся в кучу
поросль молодая,
как перед зимней спячкой гады.
И это все над городом звучало:
— Мне ничего не надо!
Народ стадом внимал
с открытыми ушами,
и радостно плескал в ладони —
шармы новой власти согревали
и флюиды особой консистенции
сном летаргическим над ним проплывали.
А вскоре банк исчез «Крещатик»,
коммунальный,
сети тепловые,
водоканал,
земля
и все, что было под руками —
исчезло все чрез чрево
наглопасти.
Грязь появилась на улицах
и в парках. Говорят:
продукты отработки
спецкоманды,
не поместившиеся в сетях
канализаций.

И снова плавают микробы летаргии,
создавая безнаказанность для власти,
а люди смотрят на все тихо,
оставаясь безрогими
и безъязыкими козлами.

21.10.09

***

Не нравится власть
и ты скулишь, бранишь.
Лучше купи себе гроб
и в него ложись,
живым,
на день, ночь.
Все пройдет.
Страх закроет рот,
и еще проживешь,
иначе власть —
совдепии сласть,
ее вершки, —
за денег мешки
свое отстоит:
тихо, в потемках,
тебя увезут,
спеленав как ребенка,
и будут душить
ремнями от брюк.
Когда замолчишь,
зароют и кончится
твой головолом
себе и ей,
и все станет
еще веселей.
Вот и думай
есть ли смысл,
что-то там вжикать
за правду-матку —
она уже никому не нужна.
Поэтому лучше
молчи,
пока голова цела.

23.10.09

***

Ты ищешь правду,
тебе беспокойно,
а на свою лапу
смотришь спокойно —
вся в шерсти.
Она так брала,
так любила
снимать навар...
О, ты пробудился!
И совесть
спать не дает,
болит голова,
хочется правды,
и ты за нее —
на трибуну, в газеты,
в депутаты
и президенты:
вперед на борьбу
за правду народу,
за чистую воду!
Машешь руками,
ассенизатор,
страну чистить станешь.
Ты говоришь:
— Поломаем систему!
И силу применим!
А лапу свою
побрить ты не хочешь?
Она волосатая,
прятать нет мочи,
а брить все же жалко:
столько взяла!
На нее бы брильянты...

И голос грохочет твой
с площадей,
а лапу в перчатку
одень,
побыстрей!

23.10.09

***

Мне раньше было все равно:
лишь бы жрать побольше
да вино
красное и белое,
дешевое, за рубль,
но по балде давало так,
что все забудь —
и весело и тепло,
хоть и октябрь, и на тебе лишь пиджак,
а на улице
сырость, дождь и грязь.
Пиво тоже было,
но не то, и не всегда,
оно не так глушило,
просто мочегонило,
и ныло
там, в боку,
где печень,
не могу...
Так жизни красивой захотелось!
Бары, коньяк,
и они,
стройные, милые,
и не хандривые —
выполнят прихоть
любую, что хочешь.
А тут перестройка
в дом мой вошла,
с экрана-совка
черно-белая масть.
Сказал главный наш,
грядёт лучшая жизнь,
где все по-другому
с листа чисто белого,
только ложись
под новую власть
и с нею — вперед!

Передел всего,
и не нужно красть —
разделит старшой.
И я, блин, вскочил
в поезд ночной.
Все появилось,
но время-то — влет!
Время летит,
как тот самолет,
и зубы за ним,
и волосы тоже,
деньгу не скопил,
но все, что хотел
получил:
бары, коньяк,
лучших пушил —
мягких, красивых.
Одна за другой
сплошная пошла,
в натуре любовь.
Жизнь удалась —
всё легло в масть.

23.10.09

***

Падение в бездну нашей страны
много лет
я наблюдать со стороны
стал спокойно.
И мысли меня посещают:
может это и не падение?
А все достойно,
согласно графику нашего
продвижения,
когда на данном отрезке времени
лишь скольжения
и откаты вниз?
Держись, страна!
Дальше некуда с правдой, совестью
и моралью —
они деградировали,
а мы устали...
А когда было лучше?
В 1917 все всех убивали,
в 1933 детей поедали,
в 1941 служили фюреру
и своих гнобили,
в 19... и так далее...
Мы так мало любили.
— Бога нет! —
кричали и водку пили....
Смотрю со стороны:
мысли, мысли:
— Может, действительно,
так предназначено
и жить нужно без волнения,
но бороться нам
всем, не жалея жизни,
за ее возрождение?

25.10.09

***

Город, в котором мы замерзаем,
город, в котором не ходят трамваи,
город, в котором нет и домов
город без света,
город-фантом.
Нас здесь немало,
призраков ночи,
миллионы дрожащих.
Вулканы клокают,
запах серы,
и пепел за ветром
несется,
садится на сутулые плечи
несчастных прохожих.
Кто нас забросил на эту планету?
Кто отбирал?
И кто рулил сверху?
Вопросы, вопросы —
и все без ответов,
и вдруг пробивает меня,
как кастетом
по темени —
нас отправляют с Земли,
память забрав,
и — от винта!
Там таких много.
Горе, беда,
сплошная больница —
лечатся все,
но не излечиться,
диагноз один:
политошиза.
Программы всех партий
смешались в глазах,
и вирусом острым
пошли поражать,
даже тех, кто далек
от борьбы.

Побеждать
не дано никому.
Антидот
появился,
но не всему.
Кто на поле электоральном,
их отправят
в космос бескрайний
память забрав.
Я вспоминаю
большую больницу,
белые стены,
соседей,
и спицу, которой нас усыпляли
перед отправкой
с Земли,
чтоб на ней не умирали.
Как хорошо!
И доктора, чеканя шаг,
по коридорам тоски
мимо палат —
куда, кто знает?
Главный доктор
вздыхает,
открывает к нам дверь.
Пустыми глазами
смотрю на соседей,
они уже спали,
и понимаю — мне
мало дали, —
экономия дозы...
Ведь давно нет работы,
сплошная больница,
и главный наш доктор
в костюме
спицей
махнул в мою сторону,
что-то шепча.
И вот город-фантом...

А была ведь мечта
построить страну,
чтоб на стыдно
пред миром.
Построить страну...
А кончилось —
быдлом,
в которое вирус нас всех
превратил,
и пепел на плечи
вновь покати́л,
и взяв в ладони его,
сколько смог,
посыпал голову
в городе-призраке,
где холод и вечная ночь...

25.10.09

***

Как много рвется
покрутить рулем страны.
Знамя в руки,
часто забыв
одеть штаны,
бегут на площади страны,
где пацаны
за деньги свозят люд,
и там со сцены
все поют,
и лидеры кого-чего,
и певчий, как народ
полураздетый,
полупьяный сброд
проплаченный немало
в каких-то вывертах
и танцах шаманов
вбивают в мозг
больных голов
кто должен взять
затертый, замусоленный тот руль,
который вот-вот отпадет,
а, может, лопнет вдруг
от неумелых грубых рук.
За столько лет
им так игрались,
давали в руки своим детям,
стае,
которая сбивалась
вокруг шофера,
шофером становился горе-доля,
плохо обученный
и часто горделив,
а всех тошнило,
не хватало сил
доехать,
но терпели куролеса,

а выбросить в окно
и заменить
заезженному люду
что-то изнутри шептало: цыть!
Теперь вот снова
много хочет
быть шофером,
и столько говорят,
кричат, хамят,
друг друга долбят
все подряд.
Что нас ждет?
Скоро январь,
новый шофер
и путь.
Уйти бы от фанфар,
но все идет к тому,
что будут руль менять
вместе с кабиной —
хрясь! —
и строить новую
начнут,
рубку белую,
и в чистый моря жизни путь.

28.10.09

***

Ветки тополя на ветру качаются,
листья бархатом переливаются,
волнами катятся вокруг
ствола высокого —
тополь, тополь,
лет сто ему,
не меньше.
Мир Божий
воспринимает остро,
верхушкой кланяясь
и славя небо.
Мне бы поучиться у него
скромности и терпению,
осень держит тепло пространства —
небольшие дожди,
и листьев танцы
по улицам и дворам.
Под ветра порывы звучит
стая листьев оркестром.
Умиление осени...
Мне бы у нее тоже поучиться,
но я все бегу,
а время мое еще быстрее мчится.

29.10.09

***

Я так устал
и выбился из сил —
не те эмоции, чтобы
списать на лист.
И в тишине я в памяти брожу,
и вспоминаю тот январь
лет пятьдесят назад:
равнина вся в снегу,
дорога санная,
и я по ней несусь
в пахучем сене
на коврах
в нарядных санях.
Мороз синевой украсил снег,
пар от лошадей,
их бег
полем бескрайним...
И вдруг ложбина
с тумана дымкой,
остановка,
отдых лошадям.
Стоит береза юная,
одна в снегу,
а до весны — так далеко
и сможет ли она,
такая хрупкая, дожить?
И вскоре мы умчались вдаль
в снега.
И та печаль от встречи
в памяти нашлась
вот в этот вечер —
я мысленно иду в поля
ее искать...

29.10.09

***

Улица старой брусчаткой покрыта,
дома все окрашены,
окна помыты,
по тротуарам вазы с цветами —
район для элиты,
ущербных прогнали.
Витрины богатых шопов-магазинов,
одежда,
парфюмы
и арт-галерея —
красиво.
Вывеска с золотом патины буквы —
«Джонсон и сын».
Я вхожу на минуту,
юркий хозяин,
очков пар штук пять,
высокий и статный,
и сын —
все под стать.
Небольшая экскурсия
по антик-вещам —
изысканно все.
Я оплошал.
Потом пили кофе,
курили сигары,
и Джонсон открыл мне
антик-кошмары:
всю мафию снизу и доверху
в целом,
хищения даже в европейских
музеях,
бандиты, менты —
все во всех в доле,
кликухи блатных,
и кто на что годен,
и публика эта жиреет
на главном —
на святости творчества,

как с пирогами,
обращаясь с вещами.
Их хозяев
часто дусят,
а то отнимают,
и внутри, как гадючник,
нечитанный хлам,
человеческих нечистей
грязный бурьян,
жадный и алчный —
маму родную
продаст.
И Джонсон вздохнул, выпил виски,
и пьяно,
чуть отрыгнув алкоголем,
о главном
поведал:
он киллер, и сын —
его ученик.
Почти что на равных
глушат барыг антикварных
задаром,
напалмом сжигают
дома их, машины,
а головы сносят
потом по корзинам.
И открыл мне он камеру
морозильную тихо,
а там и знакомые мне
давно лица
мелких мошенников,
крупных, борзых,
лысых, чубатых,
кто-то свесил язык...
Дверку захлопнул,
и сел вновь за стол,
положил список
остальных жлобов,
которые скоро,

по графику в час,
лягут под выстрелом,
а дальше — топор,
голова и корзина.
Напалм — и сгорела,
шесть комнат, квартира
вора и бандита
из мира искусств...
Джонсон — чистильщик,
и сын, его друг,
чистильщик страны,
чистильщик искусства.
Под вывеской «Антик»
фирма цветет,
и все не так грустно —
есть надежда
очистить искусство
от нечистот.

30.10.09

***

Вирус инфекции гриппа в стране
косит людей, как траву,
все в огне
выступлений, эмоций.
Перегрев за три дня —
выборы скоро,
а грипп — то фигня:
введены карантины,
закрыты кино,
школы,
спорткомплексы,
а нам — все равно!
Вирусов два:
грипп и свин-политес —
кто победит маргиналов вконец?
Я думаю грипп отойдет,
не беда.
Нам бы молитву,
всем вместе, туда,
откуда возмездие
сами призывали
в грехах
и потоках лжи и обмана,
а тут выбираем —
номер один.
Совпало возмездие
со сроком —
дзинь! —
прозвенел нам звонок,
но не слышит душа —
свин-политес
скрутил нас в рога.
Используя правильно вирус гриппозный,
можно сыграть на нем
по народу
и победить на выборах всех.

По телевизору ор претендентов —
политиков кучи
на должность и кресло,
маргинесы в повязках
с открытыми ртами
внимают ушами:
кто виноват,
кто не смог,
и кто взыщет за грипп и бардак?
А вирусы гриппа и свин-политеса
медленно в парах кружат,
слились в любовном экстазе
пастью в пасть,
может, нейтрализуются сами в себе?
А мы пойдем дальше
с останками глупости
в уже навсегда
больной голове.

31.10.09

***

Гиперлюбовь к себе
у жителей сегодняшнего мира,
особенно элиты и властей,
элиты, не способной мыслить.
Гиперлюбовь рождает
такой же гиперэгоизм,
а от него уже и до
греха границы — ниц.
Гиперэгоизм рождает
гипержелания:
улады плоти,
еда, жилье, комфорт,
и похоть страсти,
которая принимается
за романтические отношения
влюбленных в ласках,
и похоть нагнетается,
и сладострастие сжигает
любовь, которая
опустилась вместе с сердцем
в промежность мужчины и дамы.
Сегодняшние «танцы» жизни,
модной одежды
и аксессуаров тризны,
где запах тлена,
и духу злему
уже свободно место —
везде, во всем,
он обладатель тел,
сегодня он герой,
и завтра тоже.

Играет музыка любви
попсой
проходим
по земле,
где все желают
улад и счастья,
в них угорая,
и все желая.

31.10.09

***

У меня нет нормальных мыслей,
нет желаний прославить имя —
заторможенность,
как от болезни.
Я защищаюсь от идиотизма,
берегу нервы.
Второй день первые,
редкие, снежинки
тают, не долетая до земли.
Змеи давно укрылись,
а у нас гадючник. Низменно и сыро
отравляет миазмами плесени и яда
простор жизни.
Ничего не изменилось
за сто лет. А что еще надо?
В существе человеческом
перебор
пороков
умножаемых на достижения
цивилизации:
телевизор, радио,
мгновенная связь,
новые технологии. А в людях грязь,
уменьшаются физические нагрузки.
Но ничто и никуда
бесследно не исчезает,
а переходит в другое качество,
поэтому освободившаяся усталость
физическая,
ложится на психическую.
Дальше некуда —
растут больницы,
растут храмы,
множатся доктора,
расширяется фармация —
лекарства вагонами, — реклама и агитация, —
глотает бывшая личность
с перегруженной дымящей психикой.

Человек видит врага
везде и во всем.
В камине горят дрова,
на лицах пляшет огонь.
Снова ночь,
зимняя, долгая,
спит власть,
все молчат.
Я расслабляюсь и становлюсь
самим собой —
идиотизм
вернется утром.
Не спят стражи,
они продажные.
А мне власть не нужна —
компаньон ее — сам Сатана,
и за нее еще платить?
Я лучше буду бузить.
Стражи, ложитесь спать —
мне не нужна власть.

03.11.09

***

Поздней осенью небо крашено
слоем толстым серой мглы
Солнце спрятано
до середины зимы,
редких стай
ворон грустных
взмахи крыльев из темноты.
Время замерло.
То снега, то дожди.
Вспоминаю дни прошедшие —
сколько счастья,
и красавица-невеста,
мне жена по весне,
в море буйном света
каштановых свечей...
Я далек был
от истин,
а Бог хранил и верил мне.
Сегодня тускло,
но не в душе,
там давно нет места грусти,
там — моя любовь
к Тебе,
мой Бог,
за то, что ты меня не бросил.

04.11.09

***

Нас время свело полуночи
в баре затертом
под музыку гончей
охоты на секс.
На сцене стриптиз.
Дрожание тел,
запах пота, парфюмов,
и я оголтел,
увидев все это
в свои пятьдесят.
Мне предложили комнату сверху,
в которой все мини:
кровать, душ, картины,
и ты, моя милая, — звезда с поднебесья.
Секс нас схлестнул сразу и вместе
под экстази чуда, но хочется больше.
Я кокаина добавил,
в ползуба,
дорожкой
рассыпал в тебя.
Сработало — так долбануло
и все на меня:
я стал гигантом
на микродевчонке.
Ты улыбалась,
женщина масти
моей карты,
которая выпала в руку.
Бурная ночь, секунд на
сто двадцать,
потом вертолетом я летал
отоспаться,
ты что-то визжала, хотела подняться,
и я, как мужчина,
всадил тебе новую дозу
кокаина,

после чего ты взвилась в мое небо
нагишкой —
волосы пышкой,
глаза как бутылки
шампанского в баре.
И снова любовь,
но на самоваре —
ты раздувала трубу,
я лил воду.
Чай получился через пень и колоду,
мы его пили,
потели
и мылись...
— Роди от меня!
Ты меня осчастливишь.
Я крупный политик,
секретарь политрады.
И ты согласилась
кивком головы,
коксом посыпав соски на груди,
и я к ним прильнул
вдыхая, целуя
под тихую музыку
гордо ликуя.
Мы встретились,
а могли проскочить мимо
в этом море бушующем
конченной жизни.

04.11.09

***

Я не люблю, когда ночью
яркий люстры свет,
я не люблю, когда
все о культуре говорят,
я не люблю вам врать —
всем близким и просто людям,
но врать приходится.
Врут все, как утюжат —
сами себе вначале,
ложь поглощает и заводит
в топь изысканных фантазий,
в точку, где иллюзий край.
Упрямо повторяем
свою ложь,
сами верим
и остальных, считаем,
на ложь
присадим.
Снова врем,
и поделом себе, пропащим.
Ты такая же из чащи,
где живут полупридумки
там любви
не может быть —
окурки,
на дорожке грязной
только чувства
неприязни,
и я снова в полумраке,
тусклый свет
дает мне знаки.

В ночь осеннюю
под проливным дождем
каждый строит враки дом,
где до улицы «Культуры»
чуть наискосок,
а потом чуть прямиком.
Пахнет плохо.
Лучше проскочить бегом.

05.11.09

***

Памятный день седьмое ноября —
большевики штурмуют Зимний,
крик: «Ура!
Наша взяла!»
Победа партии, казалось, навсегда.
Рулил товарищ Ленин,
с ним считались,
кровь лил на полях сражений —
упивались
победою над толстым кошельком,
бежал буржуй и князь,
и часто нагишом,
оставив все,
неправдами нажито.
Молились Богу,
а раньше были где?
Кто породил
богатство с нищетой,
кто разделил соху с софой?
Кто в кружевах, шелках
под свет брильянтов,
кто в грязной прачечной.
Сироты,
проституция и пьянство.
Теперь, вот, к Богу...
Вспомнили,
что нужно знать Законы,
Письмо Святое,
но велись не к Богу.
И вот воздаяние пришло,
на много лет,
Ленин всем покажется простак,
добряк,
придет Иосиф Джугашвили —
шварк! —
по морде
тех, кто из бывших,
и нынешних, поднявшихся.

И снова крови карусель,
на тридцать лет
казармы, лагеря и Колыма
столицей стала на всю жизнь
России,
энергия мучений так косила,
и сколько подлости всплыло,
а вниз ушло
что звалось Человек.
Стали гурьбой,
очистились войной,
великой кровью,
сожгли такой же
новый строй
с Адольфом
и его братвой,
потом как попустило
чуть-чуть-чуть,
и новая надежда,
но вздохнуть
придется только тем,
кто со звездой во лбу
на должности
партийной.
Фу! —
и так противно было
в том духу,
и так ломались крылья
на ветру задухи,
и верилось придет вот час,
и все одним толчком —
в прах.
Так и получилось.
Кто-то почувствовал себя
хозяином судьбы —
свобода!
Свобода! —
в стране, где быдло и бурьян,
стал чище воздух,

от свободы пьян
я начал дело.
А вот и деньги первые —
такая радость!
Эх, чудак...
Вмиг скрутили.
Тиран из крыс,
и банда, что собрал,
себе гребет
дома, заводы и леса,
а людям — небеса —
за десять лет
миллионов пять
ушло...
И страшно стало,
блядь,
когда ж конец?
Свобода,
но с бичом.
Осталось все у воров
пузатых —
и магазины,
и солдаты,
леса в заборах, —
все ушло от народа.
В центре города-столицы
киоски, будки —
продавщицы
в удушливых
железных лавках
торгуют пищей.
Под прилавком
писают в банку из-под пива,
и часто — мимо,
отверстие ведь в банке —
дюйм,
а руки мыть —
вода далеко,
а люд стоит и просит
млеко...

Будки, киоски для плебса,
народа, что свободу
получил сполна.
Седьмое, вот сегодня, ноября,
и я смотрю
куда-то вдаль,
и чувствую душой
тот край,
когда опять рванет.
А на полях аэропортов
у каждого чинуши самолет,
дома в Европе...
Но не спасет
на небе Бог,
и обмануть Его — никак.
Уже пытались.
И не раз.

07.11.09

***

Как часто укорачиваем
мы век другим,
особенно своим близким и родным.
Прет тяжелый танк
по весенним горящим от цветов лугам,
гусеницами рвет дерн,
себе и под себя,
и сзади чад соляры, грязь,
колдобины, в буграх земля.
Вот трава росла,
ромашка только что в росе —
без корня и в грязи уже...
Зачем
уходит жизнь ее?
Зачем прет танк в весенний луг?
Иди ж другим путем,
болотом, например.
Вот так и эгоизм,
который в нас и наш,
утюжит по сознанию
и сердцу близких —
бах! —
и человек упал.
И иногда сбежит слеза,
а иногда их много льем
за близким, что сожгли.
Но эгоизм остался
и живет в крови,
он навсегда,
и прет, и прет из нас,
как эта дикость —
распыляющий соляры чад
и превращающий в пустыню
луг в цветах, —
тяжелый танк.

09.11.09

***

Мрії пливуть
як сизо-білі хмари
в розпеченому сонцем
мареві небес,
несуть потоки золотих заграв.
Дощ із громом,
блискавиця,
райдуга цвіте.
В небі синім-синім
мрії пливуть,
а в серці
збуремлені роки і дні
заснули, відійшли далеко,
і я тепер новим живу:
мені приємна тиша ця,
цей спокій золотий.
Я істину шукав
в любові,
в любові до краси
і місце там центральне
займала жінка,
завжди гарна,
а в неї — трон.
Я сам його робив
своїми мріями,
підносив в небо, в затумання,
і жив я в щасті та коханні.
Та все мина,
все — марнота...
І лиш любов до Бога
не вмирає.

09.11.09

***

Квилить пташеня —
випало з гнізда,
квилить жалісно —
батьків нема,
ще не літа, хоч крила має.
Пташенятко
в моїх руках плаче,
м'які кігтики чіпляються
в долоню,
очі злякані —
ось тобі й воля!
Серце мені жалість стискає,
квилить, плаче гірко пташенятко,
скільки в нього болю...
Роки спливли,
а те пташа
все шкрябає мою долоню.

09.11.09

***

В Україні вже стільки років
спад виробництва,
а те, що випускають
ні на що не годиться —
чи то машини, чи то тканини,
про їстівне і мови нема:
вождів би наших,
їхніх діток, дружин і коханок
таким годувати!
Але вони беруть поживне,
всі машини і тканини
з іншої країни —
валютка платиться буржую
за три моря, —
свого не хочуть.
Працює гарно
тільки кухня комунальна,
де політичні партії
дива творять:
програми,
промови,
заходи —
нечистоти політичні
заливають
Україну.
Цим і славні в білім світі.

11.11.09

***

Страх как провод
на катушке свернут,
На подходе вижу четко:
счет секундами —
уперся и дрожит.
Мне решать —
пустить?
Он войдет, как камень в воду,
взрыв его в груди,
и холод по рукам, ногам —
с дрожью
к докторам...
Но я спокойно уйду в другие
мысли,
Бог мне так сказал.
Ты слышишь,
страх-гнобитель?
Поломал ты мне немало дней,
но я окреп,
я стал сильнее,
еще немного —
и моя дорога будет
без тебя!
Страх —
перевоплощенный сатана.
Его эмоции
достигли в свое время цели:
земные ужасы,
о Боге я забыл,
хоть и кричал везде, что верю.
Сегодня устоял,
не сдался —
так будет и ночью,
и, утром, завтра.

11.11.09

***

Из роскошного автомобиля
резко выскочил мужчина
и направился к дверям
здания помпезного,
внутри —
министерство.
Голова его опущена чуть вниз,
шея согнута,
глаза прыг-прыг.
Держись,
вор идет уже с утра,
ему все мало:
байстрюка страны
министра видим мы.
Жидкое солнце
в позднюю осень сквозь сизое небо,
стынут деревья,
сыро, и часто дожди,
лес в ожидании скорой зимы,
прелые листья пахнут грибами,
светлая желтая хвоя
шуршит под ногами,
и вдруг — грохот и дым
бензопил — ну и коварство —
воры!
В больнице больной безнадёжный
и бедный,
семье остается жить
водой и хлебом,
нищие в доме
и запахи бедности...
Вы их понюхали?
Нет же, наверное...
Я эти запахи помню всю жизнь —
бедные люди бедной страны...
И врач назначает сумму,
в «гривах»,

заранее зная, что это
лишь, так
операция, для отмазки бабла —
вор проник и сюда.
Везде по стране
мечутся люди
тащат, несут,
крутят и грузят,
везде воровство,
коррупция, блядь,
но вору подружка
под статью,
и нет избавленья,
надежда ушла,
в замен — вирусы гриппа
и политлапша.

14.11.09

***

Наша милиция,
та, что с народом,
а с кем же ей быть?
С кого же драть шкуру, уродам?
Народу б завывать,
но терпят, бараны.
Милицейские будни:
придуманы схемы, придумали сами,
по сбору бородлы*,
это — как дань, что лежит под ногами,
как налог,
как хотите и понимайте,
а милиция тихо
к красивым мундирам —
«бабки» и бабы.
Красивая жизнь...
И что еще надо?
В руках у них «ксивы»,
и пистолеты,
бараны молчат и терпят служивых...
Похоже на цирк,
на нереальность
событий,
но так мы построили
мир наш великий,
и так будет долго:
бараны молчат,
а с них дерут шкуру.
Пока есть что драть.

14.11.09

---

* Бородла (сленг, милиц.) — дань с оборота предпринимателя.

***

В стране снова
педофилический скандал,
министр из МВД по телевизору
вчера все рассказал:
профессор, ректор университета,
транспорта воды
имел компашку,
с которой и пришел, бедняга, до беды.
Бывшая жена
совокуплялась с негром,
одновременно сожительница,
молодая стерва,
с немецкой овчаркой, —
попробуй, подойди! —
а ректор все это снимал
на камеру:
ух ты! —
возбуждался, заводился,
а потом студенток молодых,
девчат,
на носилочках в цветах,
заношили негр и бабы.
Овчарка уставшая
медленно шла сзади,
и начиналась новая
волна мечты:
толстый старый ректор
шел в актив —
все снимали люди
шайки
на новое кино.
Теперь ректор
носит, блин, фуфайку
на нарах.
Видели вчера в суде:
наград правительственных
килограммы,

грамот, свидетельств
мешки
принес такой же жирный
адвокат.
Судья послушал, посмотрел,
потрогал на язык
и все вернул назад,
а, может, и не все —
какой-то орден
прилип к руке
или упал под стол,
но то не главное уже
и роли не играет:
грипп в стране бушует,
наступает,
и выборы вот-вот
не за горами,
политики все в масках
с докторами,
и тоже их снимают
на кино,
и в телевизоре
все это как одно.

16.11.09

***

Старый педофилический скандал,
заглох —

дули, дули,
а он сдох.

Партии из терриконов
теперь в суды —

за наговоры
на людей
в период выборов.

Иди,
сиди,
и слушай приговор
себе.

Не вышло с этим шумом
ни фи́га,
политтехнологи,
сломать бы им рога!

И, думаю,
ломают,
чтоб дожали лучше и мозгами.

16.11.09

Просветление во тьме

***

Ноябрь всегда суровый:
то дожди,
то снег, морозы.
Тот ноябрь был с ранним снегом,
нежные метели,
этот ветер по лесу, долинам,
хвоя вся покрыта белым,
снег и иней —
занесло тропинки пухом,
солнце красит красным
ветви и стволы деревьев...
Как глаза твои прекрасны!
Вдалеке стучат колеса,
уходящий поезд,
я смущенно улыбаюсь,
ты сияешь в снежном блеске...
Мы расстанемся.
Вместе никогда уже не быть.
Поезд мой в далекий край,
в глубь России,
рассекать завалы снега,
и под ветром
трепетно летят потоки
размечаются колёсами
улетая вдаль.
Стужа, я упрямо
мчусь туда, вперед,
где жизнь по плану
съест все время
и любовь моя растает.
А потом сквозь годы,
снова,
буду я искать тебя,
и холод
жесткости моей души
будет криком выть
в пути:
— Судьба, воротись!

Но все осталось позади.
Снежной крышей лес
из сосен,
и я выбрал
вечный холод...

20.11.09

***

Далекий Татарстан,
станция Бугульма,
я открываю дверь
и во всю комнату красота —
описать слов мне не хватит.
В глубине осени пыльной,
грязь под ногами,
маленький город,
станция
и вдруг —
неземная красота
огнями мне засияла
на всю жизнь.
Я растерялся,
я застеснялся,
и говорить не было сил...
Бравый солдат,
уехал дальше,
а ты там осталась
без имени-отчества,
девочка русская,
светлая,
солнышко —
белой березой
в осени поздней...
Всю жизнь
вспоминаю твой образ.

20.11.09

***

Я бы на крыльях летел туда,
где родина, детство,
где мама моя
год назад, как ушла
оставив могилу с железным крестом,
дом опустевший,
поникий,
и в нем тишина.
Мама,
ты как уснула
после долгих трудов,
жизнь твоя — подвиг
столько лет
я замирал
в горле с комком.
На небо взираю,
в нем сила надежды —
имя твое,
ты, как и прежде,
живешь —
там твой дом.
Я пролечу тяжелый ноябрь,
месяц в котором
ты меня родила,
месяц откуда
мой счет на ступени,
но он меня часто
ломает,
не греет,
он, как начало,
наковальня и молот,
с трудом прохожу его,
но не устал
от борьбы за те дни,
откуда ушел
дорогой земли.

Думал:
нашел счастье, успех,
но всё — тлен, суета.
Бог, небо и ты —
надежда моя.

21.11.09

***

Все опять вернется,
все, как захочу я,
белым цветом молодость
расцветет моя,
как сады вишневые
с яблонями в ряд,
под весенним солнцем
первых трав наряд
зеленью чистейшей
в белых лепестках.
Тихий день
и небо
серое в глазах,
дымной поволокою
затянута в весне.
Птицы прилетевшие,
сколько сейчас мне?
Кожа пересушена
в тысячах морщин,
а в глазах излучина
той реки,
где день
никогда не кончится,
не исчезнет,
нет.
Ты — моя возлюбленная
уже столько лет,
и вернулась снова
молодость моя,
прожигать ее
уж не буду я,
каждую секунду,
каждый миг и час
любить тебя я буду
силою весны.

23.11.09

***

Скоро выборы в стране,
президентский трон в дерьме,
и отмыть его
пришло кандидатов
несть число,
победитель-то один,
остальные — пролетят,
и как в Польше говорят:
«У кого больше, то и пан».
Деньги сгинут,
часть души —
в трубы грязные в тиши,
там вурдалаки уже ждут,
соберут все до пылинки
и в котлы,
при жизни фимки
будет жар оттуда печь
день и ночь,
ни спать, ни лечь.
Но идут сборным отрядом,
шансов мало,
много шанцев,
и амбиций, и гордыни
трон омыть.
Господа и господини,
сколько лет уже здесь
бьяка,
кажется, умнее будьте, дяди,
тети тоже,
но тот ум
был когда-то, но бум-бум...
В жарких спорах политеся
жажды власти на планете,
хоть бы лишь в границах неньки,
а потом и больше,
в жменьку
срам собрать, как раньше,
а сейчас не нужно дольше:

дайте эту нам страну,
мы здесь править будем,
булаву
себе изрежем,
писарей,
писарей,
и нечисть разную — под знамя —
вновь делить,
что не украли.

Юлька вон вчера сказала
нежно, мягко:

— Я не крала,
не ушла с Майдана влево.

Я людям верю.

Верим и мы пока,

хотя знаем —

часто Юля привирает,

но мы тоже не святые,

тоже врем себе и сыну,

врем жене, соседу, брату.

Папа стырил вчера дачу,

что стояла от ЦК,

мама нашла себе кобеля

и пошла в любовь, как сучка.

Так что мы все —

штучка та еще!

Не тягаться Юле с нами,

блатаными пацанами,

бывшей интелгентурой,

шушерой базара.

Люди...

Мало их осталось,

поломались, обосцались,

спились, слохлились,

подохли —

опустится легче было,

чем подняться

как верзиле

олигарху и барыге.

Так что Юле
нелегко
нас скрутить, провеять в сито,
получить муку и жито,
новые сорта
семян чистейших
трон тот драить
по ночам.
Силу Юльке нужно
волю выполнить Майдана дружно,
вспомнить дни
подъема духа:
кому нары,
кому супа,
правду-мать среди блядей
отыскать,
и что с ней делать
грязной курвой
с переделок
прошлых презиков страны —
то слабак, то паханы...
Ну а если Юля
смажет,
пустит все
лишь по бумаге?

23.11.09

***

Люди с похожими идеями
сбиваются в стаи, а чаще в своры.
Площади, митинги, шум, гам, разговоры —
избирают лидера и дают
название организации,
находясь в полной прострации.
Желание изменить страну,
и даже мир:
полны намерений
и включаются в борьбу —
народ, держись!
С тебя спустят шкуру
на барабаны, не спрося твоих мнений,
ты будешь кормить
и одевать
эти бедламы,
в результате начнется война
с прошедшей эпохой:
памятники, книги —
все на слом, все сбросят,
как это сделали до них,
прежние.
Обзывают ушедших
вандалами грешными,
ставят новые памятники
и пишут новые книги,
борьба накаляется
и пахнет шизой:
начинают сбрасывать лидеров,
исчезают в душе их идолы,
взгрёбаются наверх новые.
И кого ж я там вижу?
Те же, отпетые,
с жаждой пьяни-власти.

Проходит время
и летит династия,
на площадях новые митинги,
и все те же желания:
изменить, улучшить.
Болтовня!
Фантазия.
Пороки в себе,
у нас, у каждого,
но искоренить их хочется
у другого товарища.

27.11.09

***

Встаньте товарищ Ленин,
встаньте товарищ Сталин,
можно — Дзержинский, Берия,
можно — Хрущев
и «здрасте»
дружно скажите
с могилы-гроба
дома-усыпальницы
на Красной площади.
Стрелки часов вращаются,
шестерни в них огромные,
зубья с торцов блестящие,
временем и трением отполированы:
— Бим-бом!
Куранты строгие —
мурашки по спине,
брусчатка истоптана,
и гной
по бывшему СССРу
реками.
Не с вас началось.
Не надо быть греками
Древней Эллады,
умами меряться,
но вас боялись,
надеялись, что все изменится.
Да!
Изменилось.
Но в то, что уже проходили:
бандиты, стрелялки,
кистени
и другие страшилки.

Встаньте, товарищи,
в утро раннее
для проверки
вами построенного здания,
а мы будем ждать,
как много лет ждали,
нас будут опять убивать,
а мы без страха —
вроде бы только об этом
мечтали.

27.11.09

***

Я загнан, уставший,
забившийся в щель.
В мире бушующем,
как зимою метель,
радиоволны,
много частот —
жизнь в телефоне
день и ночь.
Я собираю силы
пылинки,
я снова воспряну,
как в сказках былинных,
и быть мне здесь долго
в природе из чуда
пока час мой пробьет,
с любовью
в душе к вам, травинки,
к цветам и воде,
я вырвусь,
и снова вернусь
не раз
летним дождем,
капелью с сосуллек,
ветром суровым,
тебя поцелую,
любимую.
А сегодня, как в стужу,
живу, выжидая,
но радость от наслаждений
Землей
не исчезнет.
Твой звонок
я не ждал...
И вдруг голос твой в волнах
эфира влетает
в душу мне хором
весенних мотивов,
где все от любви...

Счастливый, счастливый!
Ты мне звони,
с невидимых мною
окраин земли,
рядом
твой голос души,
не с эфира.
Ты поспеши.
Наше время игриво...
Скоро зима.
Я врываюсь к ней с болью.
И голос твой милый
помню.

29.11.09

***

Ты придешь ко мне не раз,
я, смущаясь, буду слушать,
говорить краснея,
но однажды
ты взорвешься и, шалея,
в жарких поцелуях, ласках
скажешь:

— Я твоя навсегда!

Я молча соглашусь.

Ты мне нужна, и я тебе.

Ты для меня — покой.

С тобой мечтаю.

Но время пронесется вдаль,

и буря вновь во мне

взорвется,

я получу свободу

полетать,

мне скажут там:

— Тебе опять нейдет!

И в буре снежной

ты будешь нежной

снежинкой белой

в буре дождливой

дождейкой чистой.

Ты скажешь: — Мой...

29.11.09

***

Маша!
Ты думаешь мне легко без тебя?
Писк воробья
в телефоне голос я слышу твой,
то счастливый, игривый,
то опять недоволен.
Я так скучаю
с полета...
Мои несчастья,
не в плане трагедий
людских и стран,
просто болезни
взрывают меня
как вулкан,
я снова в мелких укусах врагов...
Дух не сломить —
мы, Мария, с тобою вдвоем.
Редкое звание папа и брат
я гордо несу,
как солдат,
а ты мой ровесник
и родственник близкий,
но так далеко —
с полета
почти что не вижу...
И греет
в груди лучик тепла:
— Мария... Мария...
Ты так мне близка.

30.11.09

***

Часы уносят меня в зиму,
ноябрь остается
весь позади,
такой длинный,
на всякие колкости,
мелкие дразги горазд:
полдня из дождя,
полдня с промокашки,
в туманах холодных,
клубящихся сыростью,
нелепой нечистостью
и нестабильностью.
Я так не люблю
тебя много лет:
то революций трибуны,
то смерть мамы,
то просто хандра...
Тебя перейти
стало нельзя,
сквозь тебя прорываюсь
иглою во мгле,
болью и раной,
не на белом коне.
До декабря
остались часы,
и ты снова там
за орбитой земли...
Ноябрь, ты прости,
ты здесь не причем,
просто точка отсчета,
а, может,
дом мой
временный,
ты не причем,
ты прости, если можешь,
в тебе я живу,
живу умирая,

в тебе я живу,
себя побеждая,
ты меня рвешь,
но я стал сильнее —
я сталею и закаляюсь
сжигая нервы.

30.11.09

***

Ночью вдруг по телу враг — страх:
на руках, ногах,
гадость, погань —
прямо в сердце,
а оттуда
жала грязные
к уму,
завладел всем,
почему?
Испускает
яд
и хлам
по мышцам
судорогами, дрянь,
и дыханье вдруг
все сперто,
будто в грудь вонзили гвозди.
Ночь и враг —
страх!
Мама,
ты молилась,
и Господь
силу дал мне
в эту ночь:
— Брысь! — сказал я, —
Уходи!
Я не сдамся бесу зла!
Он уплелся в угол
дальний,
затаился
в моей спальне,
сил не выпил —
оробел, ослабел.
За столько лет
от зла
избавился!

Счастливый я.
Бог со мной,
и — свет мне.
Просветление во тьме,
мягкий сон,
и в голове чисто
навсегда:
мой бывший спрут-сосед,
полудохлый страх,
померк.

05.12.09

***

В Ницце, в Каннах — самовары,
хромовый сапог
шугает,
паром дышут от огня
парни в косоворотках —
блатня.

Для хозяев русской вольной
жизни,
от которой так довольны
поселенцы, гости края
на земле, кусочке рая,
шик кабачный,
блеск витрин,
бриллианты.

После выстрела
наган
снова чистят, трут, лелеют
до готовности —
балует
русский люд.

А заморыши
других
наций, вер
все бдят и бдят:
страх пришел
с просторов снежных
на заморские надежды.

Русский дух
бредет по миру
с картой пластика —
кумиры денег
покорили
старую столицу жира,
тех, что спрятались
в веселье.

Русский дух
с просторов снега
не согреет,
а обогреет в зад, а может
в темя.

08.12.09

***

Конвейер, потоки,
жратва и жратва,
тошнотворный густой запах газов с живота,
в телевизор впаялись глаза.
Я боролся и дрался,
в поту хотел срубить с бревна человека —
получилась деревянная баба,
или просто — трында.
Сколько напрасно потраченных сил,
жизнь — это часто пустая возня.
Прошу прощения у потомков
за грубость слов,
но дорога в ад —
это не розовая клумба
и запах любви.

06.12.09

***

Дурак,
дурак ты, Лазаренко,
слямзил с нэньки
миллионов сто зеленых
и под Штаты сник,
а тебя там — да с небес,
и мордой в землю — бжик — и есть
девять по этапу лет.
А здесь-то, Пашка,
миллиарды бабла, и бесов — не переписать,
плюют на законы олигогады,
каждый Божий день
дерут и дальше нэньку,
и некому ее
от них отнять.
А ты такой большой и смелый
здесь мог бы к стенке
многих — бах!
На тебя надеялись как лидера системы,
а оказалось — боров с жопой заместо головы.
Сбежал, опозорился...
Дурак ты наш,
и что твои мозги?

06.12.09

***

Как-то под вечер
на телеэкране
Кучмек
тасовал словами ряды,
и самой большой ошибкой по жизни
своей
считал
Лазаренка,
который сорвал все узды
и ему, Кучмеку, стыдно за это
в отполированной чести до тла.
А как же другие? —
посмею спросить:
зятек там, Рахметка
и остальные, из навоза жуки,
дойной украинской коровы
шлея и хомут,
как же они?
Ошибка?
Или так путь черкнула судьба
тянуть и тянуть в сундуки,
выпятив пустые глаза?
И слушаем мы мокрицу-заразу,
а рядом с ним
пока-что стоят
полные ведра
плесенью трахнутой
так надоевшей лапши.
Его бы мордой туда макнуть
в отполированной чести до тла.

06.12.09

***

Целой волной пошли пересуды
бывших правленцев страны,
вожжи которых
сгнившие в смрад со старого хлева
так захотелось в руки опять взять —
выборы, выборы, блядь,
не дают видно спать.
И говорят, говорят
о ядерном, атомном
стволике пушки
или ракетки,
малютки сантиметров пять,
которой заставить
курву Россию
со старою сукой Европой
их, козырных,
зауважать.
Без этого атома, просто, как символа
силы и мощи страны,
где загажены улицы, парки, лесные массивы,
кто дерьмо должен убирать?
А будут ракеты, заставим
таки себя уважать,
продолжая в стране
сорить, а не созидать.

06.12.09

***

Страна моя,
ты упала так низко и больно
головою в грязный асфальт.
Довольно
стонать и плевать кровью
лежа,
есть все же хорошие, честные
доктора,
есть Бог,
и к нему никогда не поздно.
А сейчас
время взять себя в руки,
с Богом
лечить раны,
побитое тело,
шрамы изгладить,
засеяв землю,
очистить грязь
и нечисть, что врёт и кричит,
вроде бы дети они твои.
Они байстрюки,
с них и спросу-то
быть и не может:
ни роду, ни племени, ни семьи,
той, что зовут народом.
Им бы только топтать,
и терзать тебя ради денег,
они тянут, копят,
забыв, что со временем
лягут навсегда в твою землю.
Они не от любви
появились на свет,
они от блуда, что блядством
народом зовется,

им бы власть,
и тобою владеть
избитой и
раненой в сердце,
но с вечной надеждой
прощая всех
с болью.

07.12.09

***

Кованные сапоги
по моей груди
сдирая кожу в кровь,
хруст поломанных костей,
и вновь
ушли в небытие
эти полки.
Я пережил
Адольфа,
его штыки
находят ржавыми в земле
с костями тех, кто на броне
шел по моей земле.
Я пережил,
почти забыл,
и нету зла.
Война...
Но сколько было снова
тех,
кто рвал мне тело!
Грех и мой
большой...
Вечно над землей
парят в стаях
вороны,
ждут
на новый круг
убитого любимыми людьми
в минуты ненависти,
жди, стая, и меня...
Наступит день
слепого зла,
и кто-то бритвой
языка
по сердцу,
а я прощаю, забываю все.

Я тоже грешен,
может, больше
чем другие.
Все эти беды —
это мелочь
для меня,
а Бог мой там,
где красота
других миров,
и я к нему
молюсь,
прошусь туда,
где вечная Его любовь.

09.12.09

***

У меня все могло быть
в жизни по-другому,
этого другого я испытал немного.
Но слишком узкий коридор
от дома к дому
в зимний вечер
по городу нарядному,
в снежной белизне,
из облаков,
мигают мне огни
летающего на запад самолета,
и проблесковых маяков
мелодия
манящих далей,
где не бывать уже,
а надо ль?
И мысли уравнились,
дай Бог, надолго
в спокойствии
и одиночестве души.
А что хотел от жизни ты?
Сплошной несбывшейся мечты?
А что мечта?
Жизнь — удалась,
и все пока звучит,
и тихий город мой в ночи
без шума светских вечеринок.
за стенами и стеклами
смешными.

А я в снегу и на ветру
один с собой
и мысли стерегу,
и те, что не несут добра
я закрываю в закрома
таких же глупостей судьбы.
По городу ночному
идет судьба
любя меня.

12.12.09

***

Ты говоришь: жить для души
в преклонном возрасте твоём
или подумать о душе?

О чём?

Ты знаешь где она?

Ты чувствуешь её?

Вина

побольше и денёжат

ведь все хотят,

жлобят

несостоявшиеся мне друзья.

Душа

давно ушла,

осталось тело в неге и любви

себя к себе.

Жизнь для души —

слова,

нутро —

побольше накопить

и прятаться от всех и вся,

пока не звякнул

тот звонок,

заставив выпучить глаза

от страха

небытия,

которое покажется вдали.

А даль — минуты жизни

для Земли.

12.12.09

***

Сегодня первый снег в ветрах
гонимый на дорогах,
площадях,
дворах,
мороз рисует листья по окну
и я смотрю
сердито на метель-пургу —
мне бы туда!
Я человек стихии,
но судьба зажала тело,
как в тиски железную деталь,
которую пилят,
измеряют.
Вдаль мои глаза —
я так хочу туда!
Я человек стихии.
Мне неволя и покой
не по душе.
И так проходит день,
а ночью — страх в постель
колючий...
Боже мой,
да эта гадость,
недруг мой:
ему со мной не жить,
и он уходит других будить.
Я человек стихии —
мне снова в чистый снег, мороз,
я знаю: Ты меня поймешь.
Мне — воздух чистый
и свобода:
я все стерплю,
и знаю —
дайшь ее Ты мне.

17.12.09

***

Когда живешь, лелея тело, —
массажи,
пляжи,
секс в конвейер,
спиртное и еда,
недели радости несет мне плоть моя,
а там какие-то на час, другой,
буксовки, микробеда,
но все проходит быстро и без остановки.
Снова елки новогодние,
почти что каждый день,
тело греха
несет тебе свой плен,
и ты кружишь по жизни
давя педаль,
летишь,
но вот душа вдруг захотела
вдаль,
и просит позаботиться о ней,
забытой,
мхом покрытой —
дзень! —
звон разбитого бокала,
это тело ревностно
стучит
сначала
просит все ему
и выбор делаешь в плену
страстей и наслаждений,
и душу выбираешь
без сомнений —
она же вечная,
а тело горсть земли,
как не лелей и не храни,
становится обузой:

боли,
болезни,
пламень демонический —
приходится терпеть
родного палача.
Ты услаждался,
тело балдело, кайфовало,
ты мчался
туда где преисподняя, грехи,
а тело в землю
неживым потом бы волокли,
а душу — в ад.
Но ты определился,
и нет пути назад,
а телу хочется опять.

18.12.09

***

В мире иллюзий
упрощена правда,
забота о ближнем —
пар самовара:
крадено, мотано,
переподделено.
Выстрелы киллеров
шуму не делали.
А за кого страдать,
о ком стенать,
о ком рыдать?
И за что убивать?
Только за деньги.
Только за блага,
за должности видные.
Эх! Нам бы варяга
с мечем
в руке честной,
снести голов двести,
за час или два,
собственникам энергетики
за свет и дрова,
потом голов двести
за наглую ложь,
бардак вместо службы.
Смогло бы помочь?
Нет, не поможет.
Вспомните: раньше
царь Николай
и брат германский
миллионы угробили,
за что?
Кому нужно?
А дальше Ильич,
варяг на России,
миллионы с Дзержинским
как травку косили.

Что, помогло?
Иосиф пришел,
не попса,
Сталин,
с усов —
улыбка, забота,
но верные слуги
ложили опять миллионы в колючку.
Не помогло.
И начали вспять
с Гитлером-другом
воевать:
под пули миллионов сорок —
победа!
И улыбка с усов —
Колыма, Воркута...
Сколько голов!
Потом Йося сгинул,
чуть-чуть стало легче,
жизнь ту хранят,
о ней поют песни,
вспоминают ребят
в галстуках красных
и без войны.
Недолго то время.
Снова гробы,
перестройки лафеты,
люди легли
миллионами снова.
Жизнь продолжалась...
Знакомо. Забыли.
Радость и счастье
сегодня рекой
с телевизора
в каждый дом,
но это обман:
ворюги при власти,
грязный банан —
всем остальным.

Снова балда.
Поэтому, рыцарь,
куда нам? Сюда?
Да не поможет!
Нужен Господь,
а Он все ждет
просьбы
о помощи диким,
проклятым родам,
злым, недобитым.
Но мало кто может
сердце смягчить,
мы озверели,
нам бы мочить.

18.12.09

***

Все началось с меморандумов
и универсалов,
а также сала
съеденного в Раде до того,
потом и на самой нараде.
Жир топили,
мозги заливали,
консервировали на потом —
на победу,
на пролом,
но не вышел ход конем.
Все свернулось.
На майданы
порно вышло
как у Раи, что хотела
для «Плейбоя» сняться,
а сосед с бригады «рыжих»
сделал с Раей фильм
в Париже:
все играли кто хотел,
полгостиницы — вертеп,
рыжий драл за это деньги.
Рая в «звезды» залетела,
и теперь поет в ансамбле,
вертит попой, перья в шляпе.
Вот и я себе решил
на чистый лист списать
постулат:
не судить, не обсуждать;
много и всегда молчать;
улыбки с лица не сгонять и в беде.
И жизнь пошла
от постулата по добру,
а они пусть жир тот топят,
заливают мозг
и долбят
все друг друга в бровь и в глаз.

Мне что Минна из злых слов,
мне что Хухрич-пятачок,
Янек-дуб здоровячок,
мне что Шмустер-канители
на последний день недели
в пятницу посты рубает
с драматистами в сарае
все одно мне безразлично —
жизнь бежит,
дорога-дышло.
Время не пришло любви —
льют они жирок в мозги.

18.12.09

***

Печально вокруг
или это в душе
Джонсона лирика
в карандаше?
Он сделал набросок
строя, страны,
после посещения выставки
супер-урбы
видного художника
российской стороны.
— Никос!
Накось — выкуси! —
Джонсон сказал грустя:
— Такая мазанина
Бедным людям не зря.
— Они никак не бедные, —
крякнул бес с угла. —
Денег у них не меряно,
но мало, вишь, ума,
и Никос это быстро
поймал на тонкий нюх,
и пописал артистов, политиков
подруг,
а тех дураков крутят
бесы тщеславия,
и платят, платят
крупно
за морду или зад.
— А что же будет дальше,
и что нас ждет
в культуре? —
Джонсон спросил у павших.
В ответ ему,
как ветром:
— Ху-ху-ху феншуй.

20.12.09

***

Снег падает и падает,
который день подряд
зима разбушевалась.
Музыкою ветра
кружится хоровод
снежинок белых,
а мне и невдомек,
что это и есть счастье —
само пришло к тебе.
Сосульки первые напротив
на окне,
слезы с них капаят
чистой водой
на тротуары белые,
и ты Ирина смело
смотри в даль —
счастье рядом:
Мария,
зима.

20.12.09

***

Ночь. Всплески каких-то шумов
болотных.
Ветер в трубе печной
злбный-злбный,
то, вдруг, рев
из кустов под окнами.
Ночь без конца.
Только час
как сдохли все
мысли еще днем спокойные,
медитация и без бессонницы.
Здесь все наполнено ужасом.
Жив я или умер уже —
смешалось в голове
полуночной, дряхлой.
Наваждение бесовское,
кино ужаса бесплатное,
и как рык чудовища:
— Поделись сокровищами!
Много вас, подлецов честных,
публичных, известных,
закрытых и тайных
рвали, копили
для блага мечтаний,
для ублажения
низменных,
грязных
желаний
плоти забавной.
И снова рык,
но не службы государственной,
с преисподней крик:

— Чертям даже жалко вас,
заплатите
и спите,
сукины дети
разворванной
страны
с запахом смерти.

20.12.09

***

Балы попсовые
названы встречами рождественскими,
в пост
идут тренировки, репетиции
и пьяные бездельники,
московские заезженные
примадонны
в Киеве
в пояском поклоне,
и стараются эмоциями
артисты украинские,
и в таком восторге,
и так расхваливают.
Пресса желтая
снимает, обхаживает,
и даже метр,
вроде бы рока,
не выдержал,
обслюнявился
от высочайшего урока
режиссуры —
все идут, пластают.
Попса вы дешевая!
Что в душе вашей?
Я уже знаю
какие вы нежные!
Запах денег и славы мещанской
заставил вас
ползать
и блять баранами.

20.12.09

***

Крыши домов шапки
снежные одели,
снежинки пляшут
счастливо в своей
прекрасной карусели,
и на деревьях
снег вместо ушедших
листьев —
гимн чистоте и белизне.
Одинокая сосна
застыла чудом,
снег смешался
с зелёной колючей шубой,
вороны на ветвях
поджали лапы,
смотрят важно
вниз.
Внезапно
стая галок в перьях вымытых,
блестящих лаком,
чернотой своей роскошной
в снежной грядке
что-то ищут,
покоряя красотой.
Боже мой!
Праздник жизни
утвердил Ты
вечный
над Землею.

20.12.09

***

Суровая плата за отсутствие
страха Божия — соответственно
плата за отсутствие мудрости,
которая не приходит поверхностно.
Она идет в ответ за страх
к Творцу.

Мудрость наполняет всех
любовью неземной
и мы ведем счастливых
дней отсчет,
мы не способны совершить
глупость или зло,
и я надеялся на ум,
который каждому внушает
свой великий знак.

— Ум это все! —

так говорят.

Он выведет и приведет
туда, куда идут почти что все,
тебе же он осветил дорогу.

Но ум у каждого-то свой,
и каждый мыслит
по своему уму.

Ум от ума — кривые зеркала
на пути зла
кривой стезей,
кривым умом.

Мне бы мудрости
хотя б порой,
когда я открываю рот
и говорю, и говорю...

Своим умом
тяну себе хомут на шею,
на плечи
тяжкий груз греха,
который вроде бы
невиден,
но вдруг приходит,
когда его не ждешь.
Нет. Он не мстит,
он просто завладел
тобой
и незначительно
разумным
непоследственным умом.

26.12.09

***

Блестящей стрелой
над взлетной полосой
«Конкорд».
Потоки воздуха, гул турбин,
и сердце замирает
от таких машин.
Но вдруг
взрыв керосина
и скалой
падение вниз
тут недалеко, за полосой.
Огонь и дым,
такая вонь,
пожарные,
где нечего уже тушить.
Куски металла,
пластика,
скореженных турбин,
останки тел
минуты лишь назад
людей
и маленьких детей...
Сотни гробов —
компаниям доход:
венки, могилы.
Измученный народ...
Цивилизация,
как древний бог
у дикарей,
жертвы берет —
ей бы побольше
и поскорей.

26.12.09

***

Я помню тебя без имени,
его я успел забыть...
Зимою холодною синею,
в сугробах снегов
вдруг — ты. Мороз ночью
на окнах оставил след
трудов ночных, трескучих —
ветки деревьев, цветов
тебе я дарю.
Лишь случай —
первое солнце зимы.
Ты так прекрасна грешно,
одежды зеленый цвет,
глаза востока,
мягких волос пряди,
и я плаваю где-то...
Хотелось
так
навсегда,
но цели сменились
жизни,
строя.
Системы взлом —
и вдруг в памяти,
взрывом,
твое тело,
красота такая в нем!
Безукоризненно,
нежно,
с любовью,
среди зимы
имя твоё
в метелях
затерянной в жизни мечты.

26.12.09

***

Страх паров яда
чадного газа
плыл по кручам Днепровским,
вырвавшись ужасом
из зданий печерских,
выпущен с умыслом
коммуносвободовцев,
к власти
оторвавшихся
от московских сапожных,
где целовать приходилось
подметки,
а тут, вдруг, свобода
без Бога в душонке.
Страха пары, миазмами горя
по городам и селениям вольным
цепляя, кусая, царапая, воя,
отравой, наклейкой,
каждому болью,
согнув весь народ
и вперед, не зная где путь
к нему. Вдохнуть,
заразиться, успели и сами.
До самого трона
страх стал клубиться,
мы сжались и прятались,
кто где как мог,
пытались вставать с дрожащих ног,
нас резали, рвали на части тела,
Гия Гонгадзе — за правды слова
где его голова?
За бумаги со знаком
казначейства,
что дороги гадам,
сколько срубили голов,
где попало.
Сложили —
по сей день ищут.

Но не пропало
ни капли кровинки
слитой с людей,
былинки
из смелости произрастали
и вырвались силой,
и мы, вдруг, восстали
страх тот рассеяв,
избавившись мерзости.
Но тот, кто посеял,
полез, как по лестнице,
выше и выше
по нашей земле,
страх ушел с ними
и душит вдвойне,
а мы отпустили паскуду,
прогнали.
Но верх тот очистить —
нужно цунами
из моря людского
еще один раз
в логово зверя,
где души его смрад.

26.12.09

***

Ворох ношенных сумок, кафтанов,
брюк, пиджаков, свитеров,
шарфов и маек.

Ворох, горой, среди
комнаты главной,
ворох вещей...

Их хозяин
вчера под обед
ушел, все оставив.
Ушел навсегда.

Жизнь — игра без правил,
внезапно, без планов
по переходу

из жизни земной
в небеса,
ни погода,

ни день,
ни время,
ни хоть мизерный
признак желаний —
все не считается.

В день расставаний
ворох вещей под лучами
пылящего в комнате
солнца,

частицы клубящиеся
над грудой обносков,
все отойдет
в костер вдали сада...

Дом, нахмурившись,
ждет —
кто следующий?

Будет стучать дверью небрежно,
в грязных обувках
и мокрой одежде,
следы оставляя
на чистых коврах,

упадет на диван
с окурком в руках,
задремает,
и листья с домашних цветов
засыхая,
с шорохом тихим
слетают все вниз.
Сменился хозяин,
и дом по нем, видно, очень грустит.

28.12.09

***

Что-то сверху не сложилось,
поломалось,
заискрилось
под колесами страны,
страшно стало.
Пацаны, кто конкретный,
кто подлец, —
их много разных
сбились с рельс,
первыми сбежали дальше,
а остались на ухабах,
на вибрациях,
пожарах
люди верные себе,
люди верные стране.
Клич вдруг появился сбоку:
главное семья!
Цель одна:
семья,
деньга,
которая нужна семье!
Много нужно.
И конкретные, в законе,
стали править.
Так и тянется в дороге
тошнота, бардак
двуногих
называющихся скромно
не людьми,
а «элитоном» —
лучше бы уже притоном.

29.12.09

***

Весной прохладной
в больнице страшной,
где в каждой точке боль,
не жизнь, а мука
в солнце розовом заката
твои глаза в полмира.
Грех — награда.
Боже, прости!
Так надо
было мне и ей —
гореть
столько дней, недель,
любовных
столько мыслей...
Я ребенок.
Я так медленно выросел...
Время
облаками пробегало
надо мной,
и порой,
вспоминая ту любовь,
грех взываю снова к ночи.
Боже,
как я глуп был,
как не взрослый,
все отправил сам куда-то...
Время сжато
сегодня
для меня.
В памяти храню глаза,
волосы,
лицо,
улыбку —
глупости взросления.

В памяти моей
то время,
тот отрезок,
где она была.
Милая моя,
зачем тебя отправил?

29.12.09

***

Не теряйте мудрость по дороге,
нет!

не нужно, не смотрите
вы под ноги,
там ее, упавшую,
вам не найти —
мудрость теряется в пути.

Вот по тротуару
мужчина с сединой,
возраст — пятьдесят,
и, видно, больной.
С ним девушка-жена,
лет двадцать—двадцать пять.

Мудрость мужика
уверена впотьмах,
нет, не любовь,
а чистый кураж:
деньги пришли,
и много их,
а Бог отвернулся,
оставил его,
не лучшего сына,
раба.

И снесло
часть той башки,
где было не густо,
и с новой женой
в грехе
и с «капустой»,
зеленой-зеленой,
как травка зимой
на прибрежных
лужайках
южных заморских морей
куда с новой женой
«зелень» сорвав, уплыл
в небесах самолетом.

Бог отпустил
ненадолго
полетом
по счастью
в кавычках качаться.
Захлопнется дверь,
и малышка
скитаться уйдет
по здоровым самцам,
и с «капустой»,
а старый дурак
с больной головой,
где и так-то не густо...

30.12.09

***

Любовь — это не
от одной жены к другой,
любовь — это пение птиц
весной,
любовь — это радость
в глазах и душе,
любовь —
это случай
что возрождает
застывшую плоть,
и лет
ты не чувствуешь,
дней и ночей.
Ветер ласкает
вас,
и лучей
солнечных много,
а если и дождь,
вспомни тот день
и бурную ночь,
жар поцелуев
в парке грозы.
Любовь — это
не свечи попсы,
оплывшие ночью,
сопли и слезы
расфуфыренной дуры,
что ушла от «козла».
Любовь — это пламя,
горение, миг.
А нам остается потом
только память,
память в душе
навсегда...

30.12.09

***

В морозах белых
деревья павшие
от груза снега.
Мне так их жалко.
Весна и лето скоро,
а им не жить.
Буря ломает,
буря кружит,
и я с тобою
под фонарем.
Снежинки роем
на белый холм
твоей прически,
ты так красива,
огни
ложатся блеском
на лицо,
глаза невесты...
А что потом?
Потом разлука.
Уйдет любовь,
и мы, два друга,
снова вдвоем,
но нет той силы,
что так влекла.
Любовь топила
наши снега.
Но мило вдруг
встретить тот остров,
что просто — друг,
надежный, верный.
А снег кружится,
и не спроста
тебя я вспомнил,
и те часы,
что нам отбили
часть души,
где место грешным.

Уходить
тебе пришлось,
а мне так жить
с тобой хотелось!
Но все потом...
Там, где вечность.

30.12.09

***

Я не хочу как чмо
жизнь свою дожить
в роскоши, тепле,
мягких штанах
и меховом воротнике,
по времени еда:
какой-то фреш
и минвода.
Я не хочу в перинах
и шелках,
я вам не чмо,
я — воин.
На устах моих
улыбка
без осколков зла,
я хочу добрым быть всегда,
Я хочу жизнь свою
отдать стране,
я так ее люблю!
В стране беда:
власть барахла,
мешков,
в которых хлеб
украденный у детей,
власть лжи и хвастовства,
власть бабла.
Я не хочу быть тихим
молчуном,
я буду говорить
с мечом в руке,
и меч этот —
расплата за хамло,
за наглость
и вранье,
и я таки верну своей стране
ее лицо.

30.12.09

***

Декабрь все выше в гору,
числа растут в календаре,
и вот сегодня
день последний,
а завтра первый день
очередного
нового, с надеждой, года
и благодатных дней
особой тишины,
и мысли борются
с утра до ночи,
со своими же, родными,
но не из души,
а от лукавого,
который все морочит,
то память грешную мне вороша,
то посылая новые мечты шальные,
и я борюсь с собой,
слышишь, душа,
за тебя
за малыша,
который Богом послан нам:
Мария —
высшая награда.
Душа радуется дням,
особым, добрым,
а грехам путь один —
и пусть идут туда,
нам не по пути.
Нам нужен Бог,
Его любовь,
и в эти дни
мне так легко и хорошо —
со мною Бог.
Я не один.

31.12.09

***

Агрессия с озверением
переполняет,
выплескивается языком,
и убивает
все, что святое во мне
по крупицам
собрано нежно
в душе для запаса
прочности жизни.
А тут все она же,
борьба за владение
людом, страной, —
машина агитационная,
и я как больной
депрессией сильной
от переизбытка,
от перенапряга
речей речистых
незаметно
снова поддался:
слушать, смотреть,
вроде чистые кадры,
но в темя вбивают,
и вбили мне снова,
спад настроения.
Злость и
оскомина
та же,
что раньше.
Как я поддался?
И снова лечить
психику рваную,
и так мочить
хочется всех их,
врунов за отечество —
результат технологий,

где бесы радители
тонко обставили
во лжи и нахрапости,
и снова лечиться
стране от психоопасности.

31.12.09

***

В сугробах белых
город древний,
птицы в парках
проходят мимо,
глаза пытливо
смотрят на нас,
вороны серые,
нарядных перьев
шелковый блеск —
зима.

На улицах тихо,
без автомобилей
город красивый
под Новый год —
«элита» с холуями
на самолетах на острова —
мода! — давно ушла,
очистив город
от лака авто,
труб дымящих.

Тишина...

Только и нужно
для счастья —
закрыть границы
и не пустить
сюда, обратно,
это стадо
хищных утроб.
Они придут,
чтобы снова стричь,
потом опять
уехать в праздник,
дать нам покой
хоть в Рождество.

31.12.09

***

Январь.
Такая снежная в этом году зима!
На тротуарах глыбы льда,
вчера еще была вода,
а ночью, как всегда,
мороз сковал
месиво снега с водой,
и кажется порой,
что навсегда,
как этот мир,
который изменить нельзя —
так много зла.
Скоро Рождество,
а там — Крещение,
и до весны уже недалеко.
Снежинки падают,
и падают,
превращаясь вдруг в метель.
По улицам пустынным
строем движется народ.
Куда? Зачем?
Я задаю вопросы
проходим,
но без ответа остаюсь наедине.
Строем гражданские
солдаты
в тишине,
в метели ночи.
Я в строй становлюсь,
стараюсь в ногу попасть,
прочь все мысли, замыслы!
Вдруг площадь,
майдан в свету,
и здесь уже огромная толпа,
лидер с микрофоном,
крик: «Ура-а-а! Ура-а-а!
Наша взяла!»

Это революция
закрытых границ:
не пускаем
из далеких роскошных поездов
власть и олигархов.
Сложно понять,
а что это даст?
И, вдруг, озарение,
прозрение —
страна избавилась
одним махом
от ига безумной власти,
которая
выбрала страсть
в Рождество из страны
убегать —
отдыхать.
Радость в метели,
а вот и первая звезда.
Мы оголтело
орём: «Ура!» —
власть остается за милым
бугром,
а здесь — свобода.
С Рождеством!

31.12.09

***

Рожа соединенная
с телеэкраном,
на мир торчит зад фонтаном,
в электроннопрострации
питаемся хламом,
вызывающим то восторг, то проклятия.
Политики стали в сознании нации
телоспасителями,
артисты
в трусах на сцене
молят Бога
в новом культе
субкультуры,
ректор задравший себя
с лицом уставшим,
студентки-проститутки
в танце,
политики, потерявшие
примитивные ориентиры,
пачки денег в рекламе,
сортиры,
в которых любви
предаются меньшинства,
мужчины в женской одежде,
и Новый год
плясками снова открылся.
Не до сложных категорий
нации:
им бы витьков манну —
и голова в прострации.
Смерть с экрана
живому венцу природы.
Как могло все превратиться
в такую дрянь и хороводы?

Шаманы тлени,
жизнь на попсосцене
с перерывом на рекламу,
и снова ликбез
с распростертыми
красавиц ногами,
указывающими дорогу
прямо в яму.

04.01.10

***

Мысли гонят в прошлое
мое такое близкое,
мое далекое —
всего лишь тридцать, сорок,
ну чуть больше лет назад,
где не одна была весна,
и не один цветущий сад,
где вишни белою стеной,
липы трехсотлетние —
огромные стволы
с толстой корой,
ветвями редкими и редкою листвою,
под ними ряд могильных плит,
которым тоже триста лет,
церковь рядом в зеленых куполах
и золотых крестах,
путь от которых прямо в небеса,
и недалеко та страшная война,
которая уже прошла,
соединив навеки города:
Харьков и Ленинград,
Москва и Брест,
Киев и Сталинград...
Вечный огонь,
плиты на могилах
тех солдат,
от которых я сегодня
старше раза в два.
Война...
Они в ней навсегда.
Но нам потом —
своя война,
и враг не мельче,
может, посильней.
И нет уже тех лип,
могильных плит,
крестов, церковей —
снесли на прах...

Наши враги сегодня сносят
многое с души —
пиар ушной лапши,
пиар попсы,
политиков штыки,
а нам лежать потом
без вечного огня
и дня побед.
Пока нас побеждает бес
мы стираемся
из вечности небес,
как покоренные
от страха пустоты,
и мы сдаемся по частям,
и не нужны уже
сегодня нам
врагом спасенные
те, в золоте, кресты.

07.01.10

***

Огромные стаи ворон
в сером небе,
туманом наполненный мир
и деревья,
почерневшие к вечеру
мокрые в стужу,
тающий снег
в январе,
езде лужи.
День так короток
и ночи длинные,
наполнены снами.
В бессоннице сны
не бывают к улыбке,
в момент просыпаний
снятся, как правило,
серыми днями
такие же грустные части
рассказа,
который сложить
невозможно,
не надо.
Стаи ворон парят над
домами,
тающий снег с крыш,
под ногами
такие же лужи,
как в январе.
Совершенно не нужно,
а я вспоминаю тебя
в миг короткий
жизни моей
милою, кроткой,
тихой, как этот вечер в тумане,
но что-то мешало,
кружило.

Оставил короткое счастье —
пунктиром
через память мою
пробегают.
Длинный звонок
без ответа —
номер забыл я давно.
Но все еще будет,
все вмиг вернется
такой же горячей
и чистой любовью.

10.01.10

***

*Киев, ул.Горького, 7. «Український вугільний союз» —
за тисячи кілометрів від шахт, шахтерів
и их реальної життя...*

Одинокий протез на улице
свесив ремни, застыл,
облокотившись на здание
старинное.
Жутким
изделием и без сил
в темноте вечерней
в блеске фар пролетающих авто
редким пешеходам,
как глыбой льда по лбу.
Изделие из кожи и пластика,
обогнав хозяина
на тихом ходу,
осталось укором
под вывеской угольного союза.
Красоту
я помню долго,
вижу, люблю,
мне,
обласканному милостью Божией,
не хватает
для счастья коня
белого, быстрого.
С ветром
в город,
нет, в небеса,
я на нем полечу.
Но еще рано,
не все еще сделано.
Картина
жизни другой
осталась клеткой боли в душе:

протез на тротуаре мокром
в центре мегаполиса —
чья-то судьба безногая,
а я мимо неё,
вздрагнув, прохожу.

10.01.10

***

А помнишь?
Не помню.
А помнишь?
Не знаю.
Я устаю в мыслях давно.
Всё, что формировало,
всё, что достало,
всё я оставил
могильным холмам.
Как жить с этим грузом?
Приличных и грязных историй
тома,
соединить,
разделить,
перемножить
мне не хватило б ума.
Всё, что прекрасно,
смешано с грязью.
Вот и пришлось
оставить все,
выбросить,
и улетать без ума —
долго ли надолго?
Бог один знает,
что значит горе-тоска...
Выход, спасение?
Вместе с туманами
под облака.

10.01.10

***

Огромный холст,
широкий, длинный,
как карта СССР,
который все мы горячо любили.
Было за что?
А было надо —
другой страны
нам не давали.
И родина с лесами и лугами,
родные тропы,
грибов поляны
и ягод спелых
в лесу, где птицы,
и галстук красный, мамой сшитый,
и пионерский лагерь,
дети-герои
в книжках доступных,
и коммунисты
так неприступны,
как крепость Бреста
в войну лихую...
И мы любили страну большую,
хоть прозревали,
как в день похмелья.
Вчера был праздник —
сколько веселья!
А сегодня вдруг наклоняют,
склоняют жестоко,
и ты обязан стучать за блага,
которых много,
стучать, лизать
мягкое место
всему начальству
из госсовдепы,
и оды, хвалы,
и крики вместе
лозунгов
КаПээСэСа.

Стучать, лизать по своей воле,
с мозгами что-то и черту польза,
потом, вдруг, стыдно —
не все притихли, не всем понятно.
Ох, эта горечь
превращений
юного сердца в подлость сношений
себе подобных —
так низко, больно...
Я нарисую всю эту бойню
на холст великий,
и позы наши,
язык длиннющий.
Всё нарисую,
себя накрою
красным флагом.
Срам стыдобы
ещё не в прошлом —
мне мерзопакостно
и мерзостнобольно.

11.01.10

***

Сенной базар
сто лет стоял,
остров патриархального
живого города,
того, что нам хранить дано.
Немного таких мест
среди бетона и стекла.
Совдепия строила —
драла
с кулака.
Но появился мэр-прораб,
нахал, дурак,
и имя сказки русской
положил на лоб:
Емеля-жлоб.
Затеял суету
среди бела
дня.
— Базар в беде! —
стонали, плакали, просили.
У меня
была надежда —
мэр обещал
деньги
на реконструкцию того,
что от предков пришло.
Но вор и он.
Все снес.
Поставил дом
на двадцать этажей —
урод среди истории твоей.
Мой город,
что ты для жлобов?
Им лишь бы деньги.
Они пришлые.
И вновь тебя кромсать
будут.
Терпи.

Мы все здесь
пострадавшие.
И ты
заплатишь всем им
по счетам:
пути их будут —
камни
тут, и там,
куда уйдут они, воры, —
смола, костер...
Ты, город мой, терпи!

11.01.10

***

С давно потерянным лицом,
с такими же среди толпы,
в стране родной,
где море подлецов
штормит бушует,
топит всех,
кто на пути их.
Толпа с безумными
глазами:
воры, убийцы,
с часами
у которых ход назад.
Смешалось все
впопряд,
нет веры, нет любви,
есть скотство лжи.
Ты объясни:
зачем залез на трон?
Штормить, качать
народ?
Но нет ответа.
Лишь тихий ветер
качает ветви белены,
которая растет теперь
везде.
Ее едят
с утра,
и поскорей,
иначе мозг не выдержит:
в башке
рванет —
и горе подлецам!

Поэтому плантации растут,
и все едет ее и пьют.
так легче доживать
свой век,
так длинен он —
хорошо хоть,
что не триста лет.

11.01.10

***

Глыбы льды на
промерзшей январской дороге,
снег слежалый
отдает синевой.
На жестком морозе
вороны, как гроздь,
висят на облепихе
глотаю плоды.
Ветер шумит,
кружа снегом,
редким, красивым,
перья ворон распушились —
не сладко
сегодня друзьям моим
поднебесным,
пережить бы морозы.
Не вечно
зиме так
царствовать
и демонстрировать силу:
ещё чуть-чуть
и солнце поднимется выше,
сникнет
мощь мороза
и ветра с севера
с гулом протяжным.
Я помогаю пернатым
друзьям,
так беззащитно отважным.
Люди
плачут часто о доле,
а как этим птицам
в суровой действительной воле?
У них я учусь,
запоминая взгляды
глаз пронизательно умных.

Я у них учусь,
и мир не так уж
безумен,
как мне казалось
до этой встречи
с моими друзьями
в морозе
под вечер.

13.01.10

***

Первая радость греха сладострастия,
затем вторая,
привычка —
и главное в жизни.
на долгий период
стопы свои направляем
на выход
с нормального чистого:
сносит
на инстинкт —
основной —
его величают.
А что душа?
Что потом?
Думать нечем.
Грех влечет,
ублажает,
калечит,
но мы упиваемся
радостью плоти.
А что еще?
И моложе
мы кажемся
все в седине —
бес в ребро,
голова как на пне,
и страдаем чаще, чем раньше.
Кто-то кого-то
оставил,
и дальше,
в чувства острее,
сильнее и ярче.
Грех сладострастия —
пакость.

Раньше бы думать,
понять,
осознать,
но сила его
покоряет опять,
и носит дорога,
и не доходит
до разума
смысл этих грехооскомин.

15.01.10

***

Цвет палаток, флажков —
синий-синий.
Ветер снова с востока,
колючий,
и такой зимний-зимний,
из Сибири, из России.
Отрезвить бы
людей посиневших
у кухонь походных, —
рабов.
Век двадцать первый.
Снова выборы власти в стране,
снова бесы и черти
в цене:
продаем, покупаем, меняем,
в дерьме нам тепло
и надежно давно,
и тирана
к тому рабству, что есть,
не хватает
стране,
и бросает свой бумаги
листок
избиратель —
зло от него.
На восток
взгляд.
Там — Сталин.
Так любили,
так гордились вождем,
память все сохранила вполне.
И опять жлоб и хам
на коне,
серой кляче,
вернулся нечистый.

И вспотели штаны
от такого бедлама для всех —
жрать из кухонь военных,
и смех
водки выпитой,
вроде, за так.
Все у них забрала шпана,
а теперь — крохи в рот,
и террор в голове —
шабаш в давно
сдуревшей стране.

18.01.10

***

Порнографист,
от культуры совдеп,
барабанщик,
шоумен по попсе
и владелец
трынды со сцены,
губы толстые,
жирные
жмет за столом
чистым, белым
по поддержке
на пост президента
терриконов партийных.
Гармонист,
тоже толстый
и жирный —
картошку
ел когда-то,
теперь на икре
проживает.
Терриконы их кормят,
баблом помогают.
И картина
по телепривизору
не для аптеки,
картина дурдома,
в который играют
не дети.
И где-то в лесу
на полях сражений
далеких
хочется взять
ржавый ствол
и пугнуть эту нечисть
в болото.

И я, зубы сжав,
бреду по снегу
в поисках
таких как и я
оголтелых.

18.01.10

***

Ветер из России
такой бело-синий
зимою и снегом
накрыл всю страну.
С востока отряды —
на Киев,
что градом
зовется тысячу лет, —
орда регионов
за власть
над народом —
купленным людом,
забитым
верблюдом в вольере
без прав и на сене,
если дадут.
Идут,
старые флаги,
старые карты
несут,
им хочется вспять
в далекий
и близкий по духу
тридцать седьмой:
на Колыме
тачки, лопаты,
бараки и ватник
ждут.
Ветер из России
такой бело-синий...

19.01.10

***

С трудом держу
своих коней,
поводья в кровь сорвали руки.
— Быстрее! —
я слышу зов,
но не решаюсь
отпустить поводья.
Копыта крошат землю,
стонет, воет ветер,
гривы, волнами,
вверх — вниз.
— Держись!
шепчу себе. —
Ещё немного
и рванем
с Земли.
Здесь столько горя,
лжи, что делает
глупцом тебя
и близких.
Не думал я
увидеть мир таким
жестоким —
здесь деньги главное
и обух топора
для всех,
кто не попал
туда, где псих
судьбу решает
общую страны.
Я черту на рога попался,
и пыль стирал ему на них,
служил я долго,
но вдруг сник —
мне стыдно стало
перед Богом
за себя, народ.

Пройдена дорога,
почти что вся,
отмеренная от Творца,
остались
трудные участки —
плата за грехи.
Покаяться б успеть...
Держу коней,
срываю руки в кровь,
слезой смывая грех.

19.01.10

***

Євгену Пашковському

В холодний зимовий вечір,
коли часу на роздуми вдосталь,
я відчув Любов.
В душі маленька
цяточка-клітинка
засвітилась
і зігріла мене:
людина в Істині
іде по світу лютої зими
босоніж,
ковзається по льодових дорогах,
і світить сліпцям
в небо,
а не під ноги,
де прах
бажань земних.
Я вдячно піднімаю очі,
купаюся в любові
істин вічного життя
і світло це
виводить
із небуття земних,
чуттєвих насолод.

21.01.10

***

«Хозяева жизни»
по одному в мир выходят
из темени под солнце
на океанские набережные,
владея богатством
несметным,
и, пребывая во мраке,
уходят скоро туда же,
а им на смену
следующие вылазят
в плесени
с полок адских
товаром залежалым
под солнце.
Соприкасаясь с ними,
в плесень вымазываясь
мы тоже заболеваем —
яд проникает в души,
и мы меняемся,
улыбаемся
уже часто не искренне.
Мы соприкасаемся
с ужасом
«хозяев жизни»
как мотыльки с огнём,
сгорая в плотских эмоциях.
«Хозяева жизни» —
зараза,
заразившая мир
грибами плесени,
яд,
от которого
уже никуда не деться:
роскошь и телуоблажение —
основная цель
мира,

и только малая его
часть
в ожидании
смены к лучшему:
терпением и молитвой
спасаются от
нечистого случая,
ожидаая от тела
освобождения.

22.01.10

***

Мне память бережат
леса российские,
солдат колонны,
лагеря, палатки,
эшелоны техники,
дороги-просеки в лесу,
весна еще в снегу —
он бело-черный
в солнечных лучах,
как березы.
Так много лет подряд
они мне в памяти болят:
рубил я их
как варвар дикий.
Ствол содрогался,
от топора
летели щепки,
пни обливались соком
до земли. Я пил его.
Кричали птицы,
но отрезвить
смогло лишь время,
боль своя.
Топор давно
я не беру с собою в лес,
и не возьму.
Сегодня
в ночь бессонную
я снова вижу
ту березку,
в руках моих топор —
рублю ей ствол
за сок ее, за кровь...

24.01.10

***

Сегодня телепровизор
подводил итог недели,
отпускал нам слова —
вал пакости,
и мы ее поели:
то выборы
и роль Кавказа,
то чистка видными
людьми
от власти и попсы
души и тела
в Великий день святой:
под телекамерами
с голым задом —
ныряли,
несмотря на холод.
Украина затаив
дыханье,
пускает слюни,
а новости плывут все гуще —
то Хвинчук-центр,
где вроде-бы культура
мира
артпредставление —
дверца из преисподней —
гонят людям
невроз.
Но, слава Богу,
в руке осталась кнопка,
которой можно щелкнуть,
и все это другим чем-нибудь
заменить.

24.01.10

***

Великая российская дурня,
многоканальная фигня
по телевизору
с утра до ночи —
культура плебсу!
Мочи нет уже у того
великого народа когда-то,
а нынче, уроды,
гонят план
по выпуску
в экран,
на много серий,
туфту недели, месяца и года —
сериалы, для уставшего
в вечной борьбе
за жизнь,
и, все таки, великого народа,
уснувшего
ещё под занавес
двадцатого века,
народа великих
писателей, поэтов,
народа, где культура великая,
а двадцать лет уже
не то...
Дети
стран бананов
впитали с пивом —
дешевых певцов,
танцульки
и сериалы.

С русских экранов
по эСэНГэ —
смешно и красиво! —
дурью льются
бани и няни...
Но время скоро
стране встряхнутся.

26.01.10

***

В українській
політиці
мотлоху вистачає,
а тут нечиста сила
«старих» ізнов на сцену
повертає:
на виборах президента
країни
вигулькнув відомий
Габіпка,
а з ним ціла купа
рве пупа
за владу.
Невже терпіти знов нездару?
Зводив комунізм,
тоді ламав,
тепер капіталізм оспівує,
гляди - прем'єром
ненароком
стане
у другому
гоп-турі.
Готовий бути там і тут —
він слово дав служити
тим, хто переможе,
і рве себе,
не вздовж,
а впоперек.
Ну і яка частина
після виборів дісталась вам?

27.01.10

***

На огромных евроазиатских
просторах
империи поют и падают хором
сменяя одна другую:
царская на буржуазную,
потом на лихую
советскую —
новой идеей
наполнили путь,
движут народы
в Сибирь
и на юг.
Строек народных,
планов громад!
Заводы и ГЭСы,
трубы и газ,
голод и холод,
земля в лагерях,
стучалки-училки —
партия
страх
вгоняла и сеяла
сама в себя,
чтобы
и партийные бонзы
дрожали и помнили это всегда:
здесь человек —
вложение в папку
в дело империи,
патрон для зарядки.
Личность не стоила
копейки из меди,
кроме вождя.
Путь в никуда.
Пали.

И «новое»
взяли у других:
демократия голых,
личность здесь —
пшик, —
стоят лишь деньги,
за них и борьба.
Дух истощился
на стройках труда,
нации слабые,
с ними легко:
горе-тиранчиков
сменяет никто.
И партии в ряд,
и власть паразит,
а люди...
Кто лебезит,
кто-то по-прежнему
ходит «стучать»,
кто-то горит
от водки.
Печать
воровская
лежит на лбах,
взгляд потускневший
и слабость в ногах...
Что нам построить
с захиревшим нутром?
Давайте, на выборы
с озверевшим лицом!

28.01.10

***

Вам не нужно в церковь ходить,
вам не нужно в храм заглядывать —
вы врете часто, господин,
и госпожа ваша обманывает.
Что ни просьба к вам —
в ответ ложь,
Что ни слово —
ни грамма правды.
Вы лжете всем
и верующими в церковь лезете,
свечку ставите,
и крест на грудь вешаете.
Губы сжав и сложив бантиком
вы молчите так мило, друг,
и считаете себя праведником.
Пламя свечи коптит тот храм,
куда вы порой заглядываете.

28.01.10

***

Мороз кусает Машу
за руки и нос.
Зима в белом-белом
одеянии,
и спето ей столько
песен,
поэтом
стихов написаны книги.
Но не передать
ощущения
света и цвета
морозного ветра
и снега,
и птиц на деревьях,
и белок, —
мы кормим их часто, —
Маша
и свои подставляет ручонки,
хлебные крошки
делит меж ними,
улыбаясь.
А мороз, невидимый
пес,
все кусает и щиплет,
и Маша ручонки
прячет все глубже
в кармашках.
Зима ей
в ответ
щеки румянит.
От воздуха чистого
дитя засыпает,
и снится ей белый
покров бесконечный,
и снится мороз,
как пес
с зубами и шерстью.

Мария
в снах детских и сладких,
а я ей, как папа,
дед снежный,
ради нее
жизнь свою новую проживаю.

30.01.10

***

Женщина с серпом
и мужчина с молотком —
символ труда
в недавних советских
временах.

Мужчина и женщина
в роскошном автомобиле
и дорогих одеждах
в сегодняшних
либерально-зверских —
символ бабла
и проституции,
женской или мужской,
неважно,
это стало нестрашно:
в рыночных отношениях
базарного времени
всё продается —
душа и тело.

Всю жизнь покупать,
всю жизнь продавать
мы обреченно обязаны,
иначе — не встать,
иначе — пропасть,
и не иметь роскоши —
главное это
сегодня,
и началось не вчера.
Стрелки двинулись
не туда,
всё смешалось:
коммунисты и миллиардеры,
академики
и представители бандитской
сферы,
пацифисты и кулинары
продюсирования
«нового мира».

Все говорят об необходимости
реформ, перемен,
новых направлений
и нет мнимости
в речах и спичах
на нашем и английском,
патриоты и филантропы,
деньги
на культуру
и свет науки
в протянутую
для смеха руку
дьяволу
этого бытия,
где в цене блондинки
с пышной грудью
в любовницы постаревшему,
на вид еще мужчине,
с нутром протухшим,
попавшемуся всеравно на мякине,
хоть и ставшим
очень осторожным
в расставании с
ними,
бумагами шуршащими
в мешках с нафталином.
Все смешано,
и все смешно,
если бы не было
так больно и тяжело.

30.01.10

***

Созвучно словам «давать» или «давиться» —
Давос. Ударением
смениться может так и этак.
Хвойные леса по горам,
архитектуры скромный блеск,
и снова форум:
выступления, и мира проблемы,
которых много. И, вроде бы, как беспокоит это
сытых людей,
удавленных деньгами,
торчащими из горла.
Море проблем!
А миллиарды спрятаны
в железных сейфах.
Море, голодных, обездоленных
людей,
и переевших филантропов
горе.
И форум —
ритуал на трупах
умерших без времени
детей, людей,
удавленных деньгами
спрута,
объяввшего весь мир.
В красивых Альпах —
запах тлена
удавленных деньгами
политиков и бизнесменов.

30.01.10

***

Из ада искры,
всего лишь искры,
а на Земле пламя
в зеркальном виде,
под ногами все горит.
Лица на морды
сменили многие,
расчета ради, —
ищут путь вверх,
туда, где слава
земного успеха,
а кто — в расчет —
ум отточенный
на зло, на кайф
власти
над дураками,
которых пруд
пруди,
и так
хватает с лишком
со слабым умишком
перед кощунством
расчета зла.
Сгибая спины,
язык дугой длинной
счастливо лижут
барский зад.
Расчет на дурость
оправдан верно,
но просчитались
на мудрость тех,
которых мало:
дух их силы
способен шею
свернуть чертям,

приходит это
со светом
звезды взошедшей,
то тут то там,
и гаснет пламень
ада смерти,
с дымом уходят
водыри зла —
пример для глупых
тупизма жизни,
свободы воздух —
нашим сердцам.

30.01.10

Знак весны

***

Зима затянулась,
и нам не хватает
любви,
той, где музыка моря
и корабли,
и ты, пропахшая
сине-зеленой волной.
Глаз твоих светлый
огонь,
ветер с востока играет
волной,
и я очарован,
и вновь молодой.

31.01.10

***

Раньше вор
сидел в тюрьме,
ходил в стеганой фуфайке.
Сегодня вор
сидит тихонько,
скажем, в банке,
сидит как тот рыбак
на речке,
и ждет финансовых потоков
покрепче,
прижимая ко лбу веки,
чтоб не уснуть,
не прозевать
денежные реки.
И только видит око,
сразу мозг
включает наработанный
годами
гвоздь
программы —
просто все:
откат чиновником.
Карманы пачками купюр набиты,
можно отдохнуть
со свитой
молодых подруг —
модно стало в бане
голяком.
А дома, на диване,
внук растет
и получает знаний ряд
от деда —
тот финансов олигарх.

Растут династии воров,
не тех, несчастных,
кто через форточку
в квартиру к бедному трудяге
за рублем —
сегодня династии
т-а-акие,
будь здоров!

31.01.10

***

Все те же морды лиц
державших власть
и двигающихся к ней,
она для них,
как тысяча чертей,
всего милей.
Там Олимп,
авторитеты,
веские, короткие
слова
блатным,
которые чуть ниже
шалающие страной.
Ближе
нет блатным,
роднее,
чем распальцовки,
прищур глаз.
Наглее
нет касты
власти.
Блатные часто так опасны.
Взять гармониста, всей
стране артиста,
жарит так авторитета
Бездарова,
и доктора наук
так чешет!
А тот, прогнувшись,
лебезит
блатному.
А куда деться?
Сегодня и понятия — фигня.
Авторитеты, блатота,
страна.

31.01.10

***

Все, что связано с
именем твоим,
вызывает горечь.
Все в последний раз
для меня...
Дыма и огня
пустота...
Все не то.
О любви
я писал стихи,
в мире пустоты
слышал звон струны —
тела,
не души.
Поздно повзрослел.
Гарь
от костра, где ты,
от костра где я.
Ложь,
пустота...

02.02.10

***

Поезд времени,
вагоны из хрустального стекла,
несется вдаль рядом с тобой
без остановок, до конца,
и где-то там тупик...
Оборван сверху путь —
— удар!
Рассыпалось стекло
в песок,
из которого оно и было,
и путь душе
свободен...
Набело,
с чистого листа
иди, душа!
А скоро вновь весна,
в буйстве цветения
сирень,
тюльпаны всех цветов,
шепот влюбленных
под луной,
а вот и новый человек
приходит в мир с чистой душой
криком
вызывая поезд свой
издалека.
Поезд времени
приходит сразу,
и душа свой путь земной —
отсчет на много лет —
начинает.
Но все иллюзорно,
время пройдет,
как тот туман клубящийся
в вечерней теплоте
над рекой —
проснешься утром
на заре

и солнца яркий блеск
к себе его возьмет,
туда, где облака
и тишь небес.
И снова без его тепла река,
и поезд времени его
достиг конца.

03.02.10

***

Гордыня съедает мир,
человеком движет гордыня.

Пир
на костях истории
не учит ничему.

А горе
от гордыни —
оставить след после себя:
дома, счета.

Наука прошлого забыта:
в каждом поколении
гнобится кто-то кем-то
ради славы на земле —
иллюзии.

И, право,
хочется и мне
памяти на века,
улиц с именем моим.
Зависть гложет,
каждый гордый внутри —
гений! —

гордыня вертит,
увлекает.

Человек что-то теряет.

Это что-то
и есть то,
ради чего в мир пришел,
с чем уйдет
к далеким звездам:
дух, душа.

А к Богу
с чем?

Гордыня славы,
гордыня жизни
как зараза
стольких съела,
стольким въелась.

Но не учит время:
цели остаются в примитиве —
слава
и размер квартиры.

05.02.10

***

Смерть съедает всех
без права
выбирать, решать.
Хозяин города, притона,
президент —
все уйдут.
Один вверх,
другие к морю
серы и огня.
Очищается страна,
очищается мир,
новые приходят люди —
кто-то лучше,
кто-то хуже.
Время скорости Вселенной
унесет все поколения,
это учит очень многих.
Но не все здесь
ищут правду, ищут Бога,
многие теряют долю,
променяв все на земное.
Но конец один —
мир меняет
нас, актеров.

05.02.10

***

Чьи это рабы
в синих шапках и жилетках
под крестами Великой Софии?
Чьи это певички
в пятницу, в пост,
в диких танцах,
извиваясь, кричат что есть силы:
— Президента!
На лицах тупых, недалеких
рабов
недоумия взгляд,
дикость,
вековая отсталость
накопились.
Кто подмял под себя
эту массу?
Совесьть где
так использовать нацию?
На великой площади Славы
Богу и Святой Софии —
танцы
дикарей...
А вы, те, что зовете
себя элитой?!
Детей и жен своих
сюда, в мороз и снег, приведите,
изнеженных,
искалеченных душами,
и внуков своих
приведите!
Все соберитесь
в кучу
и взывайте к Богу,
кайтесь, просите —
время ваше ничтожно.

А вы несчастных
сгоняете в танцы,
сами в тепле
упиваетесь счастьем.

06.02.10

***

Господа!
Час ваш пробил!
Снова в бани всенародно!
Лучше гурьбой
на площадь
Золотой Софии,
молча,
как всегда, идите.
Там братвы
вашей в коросте,
ваших баб
отмыть бы кости,
что замазались
как трубы
на заводах,
что вы забрали у народа.
Рядом Божий монастырь,
место, что когда-то
застолбил
хан татарский,
а потомки
из стекла, бетона
звонко
тоже бани возвели.
Вам без бань,
как без земли,
что так чудно
захватили
у «лохов»
или у «быдла» —
это ваши словеса.
Пацанячьи голоса:
— Отмывайтесь, братцы,
чисто!
А отмыть все
нужно быстро.
Сколько грязи той
собралось,
что не снилось вам.

Старались,
даже старший бес
всплакнул.
Мойте!
И не только попы,
постарайтесь и внутри,
если выйдет.
И кресты над вами —
в небо,
не придумал так и бес ваш
за те сотни лет назад:
бани под крестами в ряд.
Завтра бюллетни все
в урны
нужно бросить,
тонко, умно,
чтоб остаться у руля.
Нунсы, терриконы...
Короля снести легонько,
чтоб не трахнуть головонькой,
он служил вам
верой, силой
все давал, что вы просили,
и не суньте
его в ящик,
приглядеться — еще мальчик
с женушкой своей, Пульчихой,
верой вам послужит
тихо,
он не может по-другому.
Тихий он.
Там что-то с домом,
или “чаном”
по блатыни.
Мойтесь, дяди,
и простыни
сохраните на всяк час,
вдруг профукается
власть

и те бюллетни
не за вас
пошвыряют
с мозгом люди.
Тогда тоже бани
в масть —
вам же смерть,
помытым,
всласть.

06.02.10

***

Всей страной бежать нам долго —
то перелески,
то болото,
то глубокие яры без воды,
то на сто верст
ядовитые грибы
сплошь укрыли все пути.
Бежать нам долго.
Не идти.
Идти некогда,
отстали.
Бог на небе.
Потеряли Бога
в земделах,
в лагерях по наслажденью,
на базарах
где всё — деньги.
А теперь пора бежать.
Не в Европу,
нет.
Опять
выбирать свой новый путь,
дальше некуда тянуть:
старый груз
и веру в дело —
это дело надоело
и подводит под скалу,
снизу пропасть.
— Упаду! —
кричит наш главный. —
— Упаду! —
кричат с ним сразу
все вассалы
и князья из мира тьмы.

Им бы впрямь — туда,
а стране искать свой путь,
путь, где Бог
даст свет всем
и оставит навсегда.
Слышишь,
потемневшая страна?

07.02.10

***

Сегодня праздник снова наш —
выборы.
Закончен ералаш
криков с площадей, телеэкранов,
закончен гам
чертей и хамов.
Но ненадолго,
на часы.
И вот, в тиши,
понимаешь — достали!
Без них лучше!
Но отару
гнать-то надо,
Вот и выборы
торнадо по краю.
Выборы,
и я стою,
держа бюллетень в кармане,
он у меня свой,
и главный для меня сегодня,
я получил его
и брошу
ветру перемен,
так надоело все,
поверь,
товарищ поводырь.
Скоро ты станешь
нас вести,
на тебя всех надежда,
а я слабо верю —
отара больна,
и я с ней тоже.

Сатана
по нам гуляет
столько лет,
не отпускает,
и мы его не бросим,
мы привыкли,
хоть ветра
иногда просим.

07.02.10

***

Мне Бог дал крылья:
правое — Ирина, дочь,
левое — Мария, дочь.
Мне дал Бог крылья,
хоть я и не ангел,
с ними долечу до небес.
Мне Бог дал крылья
за мои страдания,
которые в себе я нес:
это — грехи,
это — усталость в пути,
но через них я
заново родился,
я сбросил их,
отгородился от пустоты
земной мирской красоты,
где деньги, женщины и власть,
где столы
и пьяный кураж.
Я отошел от этого.
Не сам.
Мне Бог дал штурвал,
с которым путь
был легким,
и не тратя много сил,
я у Бога счастья
просил.
И получил —
на вечную любовь,
на вечный мир
мне крылья
дал Бог,
и я все для счастья
получил.

07.02.10

***

Излишний интерес к гробам,
прогулки кладбищем,
слова
о памяти ушедших в муках,
без конца
тревожить души отошедших
и прах их возносить на флаг —
любимое занятие.
Вдыхать с истории пыльцу,
путать ее с пчелиной,
и к концу
свернуть в бараний рог страну
разврата доморощенной
мудроты,
как примитива пьяной философии
нудоты,
но итог — большая власть:
страна развернута
куда-то в масть
то ли тузов, то ли шестерок,
в масть воров
и масть воровок,
и свиты, о которой
и писать нельзя.
Изнеженного сделав короля,
творца истории клозета,
где грязная в руках газета
и мухи синие, зеленые
жужжат.
Едрена мать!
Страну вогнать,
как старый самолет
в пике,
а сам на
старом сундуке
его высочество рогатый!

Такой позор
для белой нашей хаты,
такой позор
для вишен красных
моей страны
царей бесбашенных.

07.02.10

***

Гарцуют кони
для победителей забега
длиною в пять лет.
На выборах — победа!
Гарцуют кони,
но белых всем не хватит.
Гарцуют кони,
скоро парадный въезд
в страну.
Хватит
бузить и спорить
в студиях на телесценах,
скоро они начнут
печатать в жизнь
свои проблемы,
которых у каждого —
мешки.
Проблемы для народа
из глубокой ямы,
проблемы от языка —
его некуда пока засунуть,
потом втолкнут каждому
за зубы,
надолго рот закроют
словодеям,
закроют рот
и просто ротозеям,
и мы начнем
работу до седьмого пота.
Над каждым, кто с
деньгами,
ставить нужно жмота,
чтобы следил, считал,
и не давал шикарить,
а царскую персону
прошлых помаранчевых
побед заставить
рубить холодный лед

на улицах столицы
со своею свахосвитой,
которая металась
пять лет по невестам,
а сегодня наглotalась
несварного теста
и головы от этого
болят и кошмарят.
Кони копытами
в конюшне бьют —
скоро выезжают.
И страх несется
над страной аж в горы,
туда, где чуть-чуть — кордон, Евросоюз,
где каждый псевдопомаранч
имеет нору,
но хочется остаться здесь
и услужить чем можно,
язык родной забыть
и говорить на прошлом.
Лакейство вдруг проснулось
в гордонации, которою
гордились
и проигрались власти.
А кони все гарцуют,
и вот-вот ворвутся,
не всем теперь будет привольно
на днепровских кручах,
и спорят, обвиняя друг друга, народ
и время,
Но головы поднять-то нужно
к небу,
от него к нам, бесноватым, послан пока
всего лишь колючий ветер.

08.02.10

***

На тротуаре вдоль
большой дороги
стоит
забрызган грязью чум,
островки
такой же снежной каши,
и бывший, типа президент,
с бутылкой водки поутру —
иссохшей синей рожей
пауку, как брат родной, —
вещает журналистам.
Он говорит,
что знал кто будет
президентом в этот раз,
но он не видел
ни себя,
ни тех, что были,
со стороны —
калеки все на костылях,
обвешанные
ржавыми цепями
и такими же
сундуками с золотом
и истлевшими деньгами,
согнувшись раком,
от украденных монет,
на костылях и спереди, и сзади
потертых, тресканных.
О, бедный вид!
В стране за столько лет
не было еще
отца надежд.
— Президент! —
звучит же сильно:
заботиться страной,
обильно всем — добро,
любовь,
а здесь — калеки с сундуками...

Кровь
стынет от жалости к ним,
сюрреализмом
тошнит
от их речей, от лжи
и сволочей,
которых клонами
всадили в землю
оскверненную как
богохульный мат.
Страна поводырей и костылей,
зажравшаяся снежной
грязной кашей!
Им бы молчать,
а не вещать.

09.02.10

***

Предательство питательной средой
за столько лет
вросло стеной сухих стволов,
каких-то диких, неестественных
лесов
на ниве жизни
целой полосой
у каждого из нас.
У каждого из нас —
какой-то мрак
части мозгов,
и в них гриб,
споры которого идут по генам.
Нам стукнуть друг на друга,
что сжечь полено
на костре:
одним больше,
одним меньше.
В барыше от грязных дел
стучим с пеленок:
кто не успел,
тот пролетел.
И в нищете своей
или хандре,
но все равно стучит —
не в сельсовет,
значит куме.
Предается все у нас —
снизу вверх и сверху вниз.
След остался
на земле
в виде могил,
и просто ВИЛ
в крови:
стучать и врать,
и предавать,

кто раньше, больше —
путь наверх
и сохранение добра,
успех.
А кто ж тогда подлец?
У нас — подлец
не тот, кто предал,
у нас — подлец,
кто в Бога верит
и тихо пашет землю
до восхода солнца,
растит детей —
его не любят по селу,
и скоро братья предадут,
и он уйдет
в свой путь неволи.
Не любят у нас таких.
Нам боле —
предать жену
и мужа,
всех и вся,
идею, веру.
И предаем.
И предаемся,
мол, судьба.

09.02.10

***

Капли солнечного света
на траве,
деревьях,
речки поворот,
и берег в камне.
Птичьи голоса —
симфонией,
и ожиданье
любимой
с утра
под тополями.
Вот ты пришла,
припухшие глаза со сна —
в них свет и искорки
любви,
улыбка может
спорить с солнцем,
и шмели
гудят здесь, рядом.
Так бесконечно счастье!
В душе тепло,
светло,
на то и лето.
И в нем любовь,
по силе не сравнимая
с кометой,
которая летит к Земле —
любовь сильней.
Прикосновение друг к другу...
Мы так скромны —
ждем вечера
для поцелуев,
нежных взглядов.
На разных языках мы говорим,
но для любви
не нужен и язык.

Зачем слова?
Ведь есть глаза,
есть руки
для любви
в которой мы горели.
Разошлись пути,
а в памяти все ты,
мои мечты
несбывшейся судьбы...
От Бога все.
И Бог меня простит.

09.02.10

***

Правда дури
у каждого глупца своя.
Из открытых ртов
несутся гневные слова —
изобличать других,
клейма и печать.
Себя со стороны
не утруждаться видеть.
Правда дури.
Да,
есть, а почему бы нет?
Здесь истина бледна
и недоступна.
Но правда есть одна:
в мире истин свет —
правда купола
над храмом,
где и есть
место для огня.
Но это не для всех —
увидеть и понять,
истину любви,
не каждому принять
Закон Божий
Слова —
фундамент и стена
дома где любовь,
и правда здесь — зоря.
Ради нее в борьбе
сгорают и летят
далеко не все,
и многим не понять
ради чего гореть,
ради чего и смерть.

Вертятся слова
вокруг мира-глупца,
где правда есть своя...
Кому она нужна?

11.02.10

***

Идеалы Майдана
идеалами остались,
мечтами несбывшимися.
В музыке и танцах
идеалы Майдана,
и есть идеалы —
по ним дальнейшее
движение по спирали.
Не винить и не связывать,
не смеяться, и без потехи.
Время будущее,
а пока — агрессия
множества измученных
идеями и рабством.
Свобода в излучине
реки барахтается,
ей бы выйти на берег
живую,
омытою водою,
под светом глаз
миллионов верящих
засеять поля,
много лет не сеянные,
но не страхом лагеря
из-под спуда
вырвавшегося.
Туда, как змея,
он спрячется
и сгниет там.
Невозможно уже
под Духом стоявшим
изменить мечты
идеалов оставшихся.

12.02.10

***

Гатипка, типа тракторист,
на выборах, где номинация
повыше, чем колхозный бык,
вскочил, и с комсомольской
жилкой ввысь:
взял бронзу,
типа президент,
и от успеха, типа ввысь —
кружись ты, голова, кружись...
А сзади тоже те же
лица:
известный бывший,
типа депутат,
на фракций пять,
товарищ Мудренюк
из-за спины
с лицом, где нос и борода
козла,
а выше, ну, глаза,
с сиянием ямы, дна.
Победа им дала
народный тот мандат
на, типа, власть.
И торг пошел волной:
из трактористов —
и в премьеры,
в бой.
Но проиграли,
переоценили силу мышц
накачанных в спортзалах.
Жизнь
другая наяву
и пацанва
потом, кивнув,
всучила пальцы кострубом,
и партия за шалашом вождя,
как и тогда, в Разлив
ушла

в ожидании венца
в парламентских боях.
А что народ?
Он же не маг
все разглядеть и просмотреть,
определить кто, где,
и перст
свой показать.
Но все пока не так.
И где, как не в политесе
еще возможно погулять
и пенки снять?
Цена политика стране
и толк его
тебе и мне?
Его несметные богатства
собрали с нас,
и драться
будут вроде там, наверху,
но наши шкуры,
наша шерсть
уйдут волку,
которого так трудно
прокормить —
политику ведь, тысячу,
не меньше лет, жить —
так он считает, —
и рвет, щипает.
А мы на выборы,
и в телеаппарат
свои эмоции
и свой квадрат
из бывшей головы.
Цена политика?
А ты у комсомольца-тракториста
и спроси.

12.02.10

***

Когда за спиной
лязгают и закрываются
железные ворота,
разница большая:
уже тюрьма
или уже свобода?
И сколько там, в тюрьме,
за так?
Им бы свободу —
правду-мать!
И сколько здесь, в условиях
свободы,
таких, что много лет
назад
должно уйти было в тюрьму?
И не за так,
а за дела,
за горе, ложь
и смерть других?
Но не взяла тюрьма.
Наверно грех их так
велик,
что даже зоны
не берут в себя
всю эту массу барахла,
и им свобода — навсегда?
Туда, где вздох последний,
суета уйдет,
а дальше — дядя-черт
в халате скромном,
в зале огромном
найдет местечко
в тысячелетье, а может,
больше.
И знают все,
и верят в книгу
где всё
об этом пишут,

но сила силы
мозгов спесивых
ведет и греет:
мол, пронесет
и здесь, и там,
я, мол, такой —
и не баран,
и не святой,
я просто — сильный
у силы большей
за спиной.

12.02.10

***

Отбиваюсь, рвусь
страдая,
пепел вытирая ада
на лице своем уставшем —
нет конца
боям за правду,
нет конца людей жестоких —
прут рядами.
Как коростой
покрыты взгляды их
из-под лба,
злость их точит,
и навоза
запах стойкий.
Где, откуда столько злости?
Как от взрыва
тонн урана
накрывают всех
обманом, цепкой зверскостью
давя
все, что на пути —
скала
треснет, ляжет
от их наглости.
И скажет Бог
наверно скоро:
— Хватит миру
со мной спорить,
хватит в ад плодить
полки,
вот огонь вам
и штыки!
И под них пойдем все вместе,
злые, добрые,
ответьте
за свои дела, делишки.

Я тоже грешен
и циничен,
но готов в огонь Господень.
Так жить дальше —
невозможно,
когда счастье, радость
на пять минут,
как перерыв
когда-то в школе,
а потом — звонок —
и опять злая неволя.

13.02.10

***

*Посвящается Юрию Кожемякину —
человеку на берегу реки*

Еще день один недели
нам вчера вlepили,
вдели
новые листки календаря.
День назвали
довчера.
Указ сверху, что монарший,
выполнен блестяще:
день вцепили
в понедельник,
только сзади,
после дня,
перед ночью,
до утра.
Я взял флаг и сухари,
и на площадь.
Но бузы
не получилось,
шапку сняли,
и подрались с неизвестными
людьми
в форме летчиков,
с огнями на кокардах.
Стал от них бежать,
слышу — выстрел —
гад всадил мне
пуль с десяток,
я прошит насквозь.
Капать кровь вдруг
перестала,
чувствовал себя я слабо,
но те суки, что от скуки
площадью свободы
мялись,
дали мне стакан водяры,
пластыри на дырки в теле.

— Ну и как вам день
недели? —
взгляд ехидный как-то косо.
Что мне день?
Смирюсь и брошу
все протесты в урну с прахом,
где хранится старый прапор
и остатки от ячейки
партии вождя и лейки,
из которых лили счастье
на наши головы
так часто,
что сегодня все равно:
вроде, летчики,
лишний день —
переживали и не то.

13.02.10

***

По словам клерка презконторы,
гарант пять лет
строил нацию,
оттуда впал в прострацию —
с высот ее поднятых,
как в раствор бетона
трахнулся.

А я то думал, что он строил?
Муштру?

А он
башню Вавилонскую!

Коту под хвост
работа вся,
сказать бы жестче,
но слова по мату
не для поэзии.
Солдату нации,
себя в виду имею,
построенному
так легко и хорошо
кирпичиком в трубе:

зимой тепло —
снизу поддают
угля,
хоть мелкого, но до фи́га,
и копанок,
тех новых шахт,
число возрастет,
ведь жарить будут
так,
что невдомек.

Но все с небес.
Мне все стерпеть,
смотреть,
молиться,
слышишь, бес.

14.02.10

***

Я живу в памяти твоей
любви.
Твои взгляды
и слова
всегда со мной,
мои.
Ты вся в весне,
в цветах и травах,
я тебя там
в красе оставил,
а сам пошел
тропой, где жестокость,
где первые морозы,
осень,
и листьев шорох под ногами,
дожди холодные
так часто льют...
А ты в весне.
И навсегда.
Моя любовь,
моя весна.
И красота
там, в вечности,
далеко,
но так близка.

14.02.10

***

С красных ягод рябины
капают слезы,
смягчились морозы,
и лед хрустальными камнями
начал таять.

Крупный снег
до земли не долетает,
тоже в слезы чистой
воды превращаясь.
Плачет рябина...
И мне бы тоже заплакать,
но годы умчались,
слезы остались
по судьбе и по близким,
на крестах и в земле
Украины.

Мороз отошел.
Плачут мои рябины,
плачут березы и клены
с дубами.

Но эти рябины
в зиме красными
гроздьями умиляют.
Плачет природа живая,
творцу вознося славу,
а мы, очерстневшие,
от пульса Вселенной
отстали.

14.02.10

***

Народец споганел давно —
орда из золота
ломала его, мяла как сухие ветки,
и он сдавался, и служил
татарской массе.
Народец выживал ценой
проклятий,
и царь Петро
погнал его взашей
в болота севера,
чтоб там сгорел лакей,
ушло холуйство
в жиже ледяной,
осталось в болотах.
Порой казалось —
царь поднял их дух,
и изменил их суть,
но град поднялся на костях,
а сам народ
остался слаб.
Пришла Екатерина-мать,
цариха умная и сильная,
опять
гнала всю нечисть
из руин,
но народец
не стал расти —
орда в крови
оставила-то страх,
который не прошел.
Народ отстал,
и не хотел
идти вперед.
Пропащий интерес
от дел,

леность и,
на случай счастья
надежда, что все
само придет,
и все им дастся.
И так по день сегодняшний.
Когда в стране внутри
орда,
но не из золота —
из золоченного дерьма —
разбойники и люди без
любви,
народец их увидел,
поклонился,
поговец им вручил.
А что?
Прямо на печи
подают
дешевые консервы,
калачи из рук удалых —
прикупился горе-люд.
Служить, работать
как верблюду,
и холуировать,
как до него,
ещё при той,
огромной силе,
что в седле
носились
по просторам
и по женщинам
Святой Земли,
сжигая храмы и кресты.
Прости нас Господи,
прости,
за нашу низость,

когда холуй
чувет близость
калача из руки палача.
Но Ты ведь рядом,
а Тебя не видят...
Гад
им ближе.
Боже!
Что за кровь
течет по нашим жилам,
и сколько можно нас
учить,
лакеев без Отца,
и холуев
для всех отхожих мест
без начала и конца?

15.02.10

***

Когда нет в любви
замыкающей нити,
тогда не плывут
корабли в море синем,
полет птиц в небесах
раздражает,
и трава, и цветы
под ногами мешают.
Когда нет у любви
замыкающей нити,
люди просто живут
в мире будто приличий,
и несчастными
остаются все вместе,
но страдает лишь
тот, кто влюбился,
несметно
отдавая тепла
каждый день в свете счастья,
но его не смогла
принимать
сторона,
где несчастье и зло,
и отсюда беда,
что втянула всех
в блядство
отношений в семье,
отношений друг к другу,
отношений властей —
здесь не любят,
а грузят.
Когда нет у любви
замыкающей нити,
не плывут корабли,
не летят в небе птицы.
То ли снег, то ли дождь —
все не так,
и не к месту.

А Всевышний наш Бог
нам помочь хочет
вместе
перейти
через черствость
и скуку.

16.02.10

***

В стране нет покоя, порядка
от властей
с края и до столицы.
Может, не нужно уже
ругаться и обижаться,
а просто открыть границы,
и всем, типа, или около
президентам,
со своими командами
и электоратом
чисто исчезнуть,
ну, конкретно, испариться.
«Большое, однако, переселение
народов», —
как сказал бы чукча,
со стороны оленьего стойбища наблюдая,
и как стало бы
хорошо от края и до края,
и пусть бы забрали
с собой всю уличную рекламу
и телевидение.
Это фантазии.
Нереально и невыполнимо.
Но есть в мире Бог,
Он слышит и видит нас
неоспоримо,
терпение наше на пределе —
Он милостив.
Недолго ждать
от Него очищения.

17.02.10

***

Их поменяли,
президентов, около и типа.
Майдан профуговали,
гнилые апельсины,
из ящика
сразу сок капал
на снег,
потом забродился
фрукт прекрасный,
и лекари бегали
по коридорам больницы,
но не успели.
Не смогли лечиться
с врожденными пороками,
грешными нутрами.
И золото осени сгноили,
покрыли туманом
своих миазмов.
Страну долбануло,
и вдруг стало ясно:
круглые столики
меморанданулись,
раззулись,
но сняли не обувь,
а умишки,
которых и так
было не слишком.
И вместо листьев,
осенних, пропахших,
пошли гулять
ордена-блестяшки —
вешали всем,
у кого не хватало.
Вместо умов
металючек набрались.
Их поменяли
в снегу февраля —
Бог показал
свою силу опять,

И что кого ждет?
И, в общем, народ?
Ответ сложный.
Много столетий,
в колдобинах долбит
раздолбанный воз
потомков отсталых
разбитых мозгами.
На этих дорогах
возов старых много,
и лень с них — на ноги
и в чистую воду
с утра головой,
легче водку, стаканом,
в синее
рыло пустое.
Несчастный народ!
Грех над ним глумиться,
как эти лица,
сверху, с трибуны,
без жалости,
грубо,
и больно, и тупо.
Их поменяли.
Сплошные обманы,
и ложь с лестью
замуж вышли с
экраном,
и все смешалось.
А правда осталась
в закрытом
застенке.
Надолго?
Бог знает.
А пока долбится воз,
и новая поросль
на нем надеждой растет.

17.02.10

***

Он назначил сам себя
заведовать музеем,
«Мистецким Арсеналом»,
где на площади
осталась
старая пушка,
а музей
для ротозеев
как игрушка
вместе с памятниками о
далекой седине страны,
которые построили за годы
его царствования.
После войны
умов и цивилизаций,
все, что смог мозг
уставший —
музей,
жене — больничка для детей
за пять прошедших лет
да на бумаге
проект
и канитель.
А дворцы вассалы ему строили
за пару лет —
на больничку
не хватило средств.
Слова,
благие планы,
хорошие идеи,
по карманам
затертые бумаги
несбывшихся
желаний,

мечты и грезы
остаются с нами,
а он в музее-мавзолее
со старым мотлохом
все продолжает говорить,
и где-то кто-то
продолжает ему верить.

19.02.10

***

Капли прозрачной воды
слезами
с крыш домов
в солнечных лучах
весны,
которая уже в дороге.
Осталось немного,
побегут ручьи и реки
с растаявших сугробов снега,
и первая трава
вот-вот перед глазами,
и птицы
подлетают
к краю
нашей земли.
Знаки весны.
Зима прощается слезами,
и мне так жаль ее:
она старалась
морозами и снегом
с ветром,
она старалась послужить нам
верой
и получилось у нее.
Но Бог все создал
в бесконечности движения —
уходит белая красавица
со льдом и снегом,
уходит,
а весна спешит
и первыми лучами
золотит
пространство.
Я радуюсь весне,
но уходящую зиму
мне очень жаль.

19.02.10

***

Патриоты и патрийоты,
американские индейцы и койоты,
бандиты и средневековые эшафоты,
картины Дали и Гойи,
культурная революция в Китае,
хунвейбины и скифские пекторали...
Доменная печь в каждом доме —
великий скачок!
Вместо кровати — солома,
шахты-копанки
неисчислимы —
частный бизнес!
В телевизоре, чаще, дебилы,
ад по эфиру и проводам,
ад дымит на улицах.
К нам в гости постаревший Ван Дамм,
дети идут в школу
по улицам заснеженным,
президент, не воин,
а буржуа изнеженный...
Я когда-то любил женщин,
сегодня бросил пить водку,
головой об стенку,
бросался с моста
в речку,
но цеплялся штаниной
за металлическую прищепку,
прыгал с крыши на тротуар —
рядом проходил участковый милиционер
и меня поднял.
Купил яблоки в маркете,
оказалось — гранаты.
— Здравствуйте, террорист! —
ко мне на улице люди в штатском.
Камера большой тюрьмы.
И я здесь счастлив
в своих снах и фантазиях юности.

Держите меня в неволе,
мне страшно дома
и на родной улице —
в мире
психической долбанной воли.

20.02.10

***

Ушел от тебя,
и день тот помню,
огромные зеленые глаза,
и волосы светлой волною...
Помню дни случайных встреч
после разлуки,
помню разговоры
о счастье и будущем
в стране исчезнувшей
от неправды и скуки,
помню последнюю встречу —
ты ко мне вошла
вся сияя,
ты смотрела мне в глаза,
как будто чего-то ожидая...
Я помню, через год,
твой голос по телефону,
чужой, спешащий,
и почти безразличный...
Мы навсегда расстались.
Я тебя бросил
на пике наших горящих огнем отношений,
просто утром на улицу вышел
со следами твоей помады
на моей белой рубашке,
то утро было летним, тихим
и теплым...
Все в прошлом.
Помню то утро,
когда тебя оставил.
Я любил тебя
в мире непонятного сознания,
где шла долго игра без правил...
Найти бы тебя сегодня!
Это сложно, но при желании
возможно,

но все оставляю как есть,
на вечер,
который будет у нас
при встрече
в мире другом,
в мире, где я и ты
будем снова вдвоем.
Звездами освещать путь
будут твои глаза,
от них уйти и свернуть
будет нельзя.

20.02.10

***

Город счерневший от выборов
политиков,
пригоревшая страна поражений.
Похоже на взрыв
нейтронного зверства:
здания целые,
земля не сгорела,
люди
с виду живые,
кто-то ищет работу,
доктора проверяют
приборами тело,
экстрасенсы советуют в теленяне,
астрологи плотно сидят
за столами
по картам небес
судьбу вычисляя,
по улицам мертвое море
людишек бездушных,
в магазинах продажи
кресел чинушам,
секс-шопы забиты
товаром и массой,
что покупает
себе пластоэрзацы
с улыбкой, стесняясь
друг друга у кассы.
Может, жива еще биомасса?
Может, мне показалось?
Вот — корты,
в теннис пуляют
известные морды,
прыгают, ахают,
мячики квакают
при шлюхах
в нарядных костюмах...

Нет, не ошибся, —
трупы,
пустые глазницы,
на ниточках ноги и руки с ракетками.
Фу ты!
Как мерзко!
Мой страх подтвердился:
психотропная бомба —
электорат разложился.

20.02.10

***

Ты оставила след
навсегда
сияньем лица
под мелким теплым дождем.
Ночью с луной
и с тобой
неповторимая никогда
потом
жизнь обедневшая.
Как часто зимой
взгляд пробивает туман
белый, клубящийся,
там,
за окном.
Мне на Земле
уже никогда так
не любить...
Ты оставила след —
оркестр
звуков и слов
той ранней весной,
под вечер.
Я так хочу,
чтобы ты
пришла
со светом лица.

20.02.10

***

Бесконечно стыдно
за каждый миг
своих грехов.
Мой ветхий мир...
Вокруг забор,
стыдно за каждый грех:
будь то женщины любовь
и море красивых слов,
или поток золотых оков
неправда веры,
неправды жизнь,
ложь, краснбайство
и зло интриг...
Бесконечно стыдно
за каждый миг,
казалось, счастья,
но свет прошиб
и стало видно
со стороны
себя за годы,
где шла несчастий
моя жизнь,
где Бог далеко,
где Его нет,
где жажда денег
и славы бред.
Бесконечно стыдно...

21.02.10

***

Мерзость мрачности
пространства ужасов,
от снега мертвого
лужи, лужицы,
ручьи с водой грязной,
средой уставшей,
безотважной
зимы уходящей
в мир прошлый.
История красится,
но остается не всегда хорошей.
Кто-то кричал, обещал
и гневался:
— Под «Мурку» танцевать?
Не дождетесь! —
запомнились фразы
уродца,
сегодня танцует
у пустого колодца,
пьяный, избитый
в кабаке дешевом.
«Мурка» — королева
нашей культуры шансона —
кто не сидел,
тот еще сядет, и надолго,
кто ослабел,
тот приляжет, и навсегда.
Всем покажется, что это —
дух пустыни.
Но сегодня пришла
святиться
пустыня Духа
с замиранием сердца,
змеей обвитым —
холод от холоднокровного —
крохи любви там
исчезнут от страха.

В мерзкие часы
ночи облуды
кричу себе: «Поспеши!
Иначе тебя никогда не будет!»

21.02.10

***

Рваною болью
рванные раны.
Куда убежать от реализма
нирваны,
которую всем нам обещали
слепые водители
на кривом авторалли?
Тошнит на повороте,
тошнит и по прямой,
ломает тело и пилотам,
и ор с трибун:
— Давай!
Вдавить газ —
педаль до пола,
и тормоза сломать,
скорость!
Слепых водителей судьба —
разбить себя,
разбить тех, кто влез
в кузов,
по глупости
поверив.
Люди! Люди!
Летят машины, разбиваясь,
одни горят, другие давят
все, что на пути.
Прости меня, мой Бог!
Прости!
И, если можно, сохрани
ради родных
и искупления грехов моих.
Помилуй, Бог!
Не залезть
в кузов я
не смог.

Летит страна.
И мысль одна:
нам бы
тормоза.

21.02.10

***

Пушистый снег
на плечи,
с мокрым дождем
коктейльчик
и вечер угрюмой тенью
несется землей с воскресенья
на понедельник —
день не тяжелый,
сменилось время, —
тяжелый годик,
а, может,
и все десять.
Смешалось время...
Куролесить
начнем сначала,
судьбу печали —
на ветер слезы,
променяем
судьбу печали
на судьбу пьяных.
В глазах туманных
и лужах грязных
время уносит
вечер длинный,
на полночь стрелки
закосили,
часы в нетрезвом виде тоже,
бьют не время,
а тревожат,
тревожат праздник
и радость грусти —
теперь не скоро
они вернутся
в нормальный ритм
и счет минутам.

Часы напились
горькой разлукой
с веком прошлым,
где все с надеждой
дошли до ручки
и закосели.
Печаль на сердце...

21.02.10

***

Я — совесть страны.
Я — совесть народа.
Я — поэт,
и мне всегда больно
от тупости нации
то ли в бреду, то ли в прострации
от власти изнеженной
шелком постелей,
комфортным авто,
нарядами.
Гномы все,
духом упавшие!
Наглость, не дух —
арапистость жесткости,
народ ведь лопух,
но многие думают,
ищут пути.
Многие сбрендили —
не могут идти,
их и ведут
на веревке телячьей.
Куда и зачем?
Прислугой на дачи,
обслужой для дома,
чуть-чуть на заводы,
кого-то в поля.
Рабы верховодят.
Из рабов в господа?
Вышла фигня.
На веревке телячьей,
чтоб новая знать что-то дала?
Многие думают,
рвутся на части,
многие думают,
сгорают,
и счастье увидят хоть
там, в небесах...

На телячьей веревке
холуи в холуях
у бывших рабов,
ныне господ.
Смеются вороны
вслед господам.
А люди поддались, сломались
и пали —
шеи согнули
под хомутами.

21.02.10

***

Может, что-то полезное
в капитализм брать из совка?
Симфонию в коровнике,
надои молока
и силу у быка?
Крутить, например, Моцарта
на пивзаводе днем,
а ночью — на хлебных,
чтоб было все тичком.
Пиво — по трубе — и прямо
в каждый дом,
хлеб подешевел,
и растет его объем.
А Баха — в канцелярии,
где верхний шлем страны,
и, смотришь, убежала бы
оттуда часть шпаны —
не выдержать им Баха
весь рабочий день.
Смотришь, и поднялась бы жизнь
как тогда в коровниках,
где бык землю рвал
и скотину размножал
под сифонию.
Подумать бы нам...

21.02.10

***

Судьба — прожитое,
а не то, что впереди.
Рок отпечатан тавром
на груди
каждым из нас
равнодушием воли
к себе и родным,
и, в общем, народом,
в пыли, паутине,
челноком на станке
ткацком,
рутиной
Укоряем судьбу,
что лихая
прописана в книге,
лежащей в шкафу
на далекой планиде —
так легче и проще,
чем бороться за жизнь
с Богом в душе
Его Словом.
Держись!
Все — кривое,
все — сикось и вкось.
Судьба — прожитое,
а не то, что нас ждет.

26.02.10

***

Капитализма наши трудовые будни:
реклама ненавязчиво
заслонила разум,
люди в большинстве
со странными глазами,
рынок свободы экономики
сварганен —
на нем воры, бандиты,
и несчастные, пропитые,
с мозгами обезьяны,
некоторые тронулись
усталостью, бедламом.
Рынок свободы экономики!
И речи
известных финансистов,
правителей страны —
далече правда в их словах,
а истина — на банковских счетах.
Но говорят и говорят,
смягчая лик зверский свой.
Прибой
из нечистот,
как в кораблекрушениях
разбитый борт,
страна давно уже
и не идет,
и не плывет —
лежит, и волны грязные
дубасят борт,
и увернуться ей уже
не суждено
с таким нажитым багажом
хамла.
И вместо истин
глюки сыплются в наш дом.

С утра до вечера —
борьба за власть
над измученным базаром
и баблом.

25.02.10

***

В ваших грязных руках оружие,
и, если бы вдруг новая война
отечественная,
вы бы, «элитный» политикум,
брюки свои сушить
повесили.
У вас сила.
И страх отсутствует
перед поэтом и писателем,
журналистом честным,
и людом в труде замечательном.
Вы смелы и жестоки
в границах государства
порабощенного,
когда раб под вами
рабствующими
гробится,
вы смелы и стреляете
метко во врагов
вами придуманных,
но где-то готовится
уже большая клетка
для вас, умников,
и тогда ваше бесстрашие,
ваша смелость,
сольются в трубы
канализации старой и ржавой,
и уйдет туда ваша тупость,
грубость тоже исчезнет сразу,
и вы станете нежнодобрыми,
но тронетесь навсегда головами —
во мгновение падете
и опростоволоситесь.

25.02.10

***

Как людям хочется
друг друга мотыльнуть
в башку ногами,
в грудь кулаками,
да просто палкой, трубой иль битой,
— столько забито,
как кроликов, на дачах,
в подъездах дома,
на кухне ломом,
— и расчленить тот ненавистный
труп,
вывезти и выбросить!
Но вдруг проснется чувство
любви и покаянья,
и сразу в храм
свечу,
и — бац! — на колени,
слезу скупую давить
о жизни брэнной,
о чувстве долга...
И можно
снова начинать.
Так нас ломает
до самой смерти,
а там и черти
гурьбой встречают:
свой пришел! —
и с порога метелят.

26.02.10

***

Горсть земли в руке —
бывший человек...
Лет
сотни две, а, может, три назад
важным, может, был,
богатым,
а, может, лишь солдат,
участвовал в боях
за пропавшую
в веках свою страну,
а может женщина, —
богиня красоты! —
кричали ей,
давали золото, цветы,
а, может, даже царь —
владыка мира?
Какой кошмар!
Всего лишь горсть земли
в большой Вселенной
корабли мечты
и гордость всех...
Прости нас, Господи, прости,
мы не всегда с Тобою шли,
не все дошли,
не все вошли к Тебе...
Погибшие не в небесах,
а здесь, в глубинах матери земли.
А как себя любили,
лелеяли, гордились!
Цветы, трава из них
взросли...
А вечность душ иль бренность тел
каждый сам себе
жизнью своей
определил,
и получил,
что хотел.

27.02.10

***

Великий город
с золотыми куполами храмов,
крестами,
путь указывающими нам
годами, столетиями,
и колокольный звон
сегодня стали не нужны —
в городе святом воцарился бес,
вначале в кабинетах власти,
потом плодился, размножался
и гадость
разошлась по его холмам —
срам и стыд!
Царствуют подонки,
мерзость заполняет
все вокруг.
Но не навек
такой позор —
снесет огонь
всё,
очистит город
от ига сатаны!
Великий город
мы ему отдали,
надеясь на подачки
какой-то мизерной цены.
Забыли Слово Бога
и затоптав мораль —
без них жить легче стало,
они нам, деградантам, не нужны.

27.02.10

***

Сидят идиоты в домах и квартирах,
глазами и мозгом
в телеэфирах,
где день ото дня
жарится, парится
для несчастных
специнформация
всё заплетающая,
где вчерашний еще человек
меняется и облучается —
каждому порция:
забить,
умом истощить,
наклонить и подлить еще
мыслишек остаток
в грязный кулак,
который стучит в полушариях
так, что без этого уже не прожить.
Идиоты сидят,
а варево льется, смердит,
сюжеты меняются,
но цель их одна —
нервы сжечь.
Превратит всех орда
в спецприложения
к телепространству.
Идиоты лежат
на мягких диванах
и щелкают кнопками
то плача, то смеясь,
то с криками, воплями,
иногда даже мат...
Смерть от рождения,
смерть по земле...
Идиоты сидят,
чтоб получить
по больной голове.

28.02.10

***

Экстрасенсы, колдуны
на мрачной кухне
власти
варят, режут, пилят,
колют и коптят мерзости
соединяя в коалицию
предателей партийных
с коммунистами.
В жизни реальной
перевести все на язык нормальный:
к вымени коровы — вал комбайный,
к глазам великого политика — гранаты,
красивой женщине —
на попу траки
танка средней массы —
без кокса, глюка
не прожить, не переехать.
А там, на холмах Печерских,
видать,
всё по-другому:
коалиция сшивается
по живому
на службу, вроде бы, стране.
На кухне запах гнили
и брожения витает,
колдуны в кромешной
тьме,
приговаривая заклинания
все дальше, глубже
и крепче какой-то клейкой
массой из своих носов
коалицию соединяют.

06.03.10

***

Начало великого конца
произвола лжи
и грязной силы,
отмытой у «крестного отца» —
закрыть глаза,
не видеть
и не знать.
Старого осла
копыта
ночной
стук в ваш дом,
сдирание рубашки с нищего —
все повторится.
Жуткий зверь...
Слышите, сломали дверь!
Орда,
останки Чингиз-хана и Батыя
войск,
сплоченные на зло
и силу грязную.
О, человек!
Все брось,
и выйди на дорогу,
забытую давно
как правда, что жила
короткий миг.
Проснись, кто спит,
проснись, кто в полудреме,
народ, проснись,
восстань и расцвети страна!

11.03.10

***

Слова ложатся в строки
выстрелами из автомата,
бумага крошится, носится,
но это всего лишь
бескровная духа атака
на мимикрию рож
подневольных,
души продавших
в глубину преисподней,
и получивших статус,
прописку,
образование и подписку
о неразглашении тайны
гражданства.
Сколько их?
Трудно сказать,
но похоже, что армия.
Пулями с ними,
гранатами —
не выйдет, нельзя.
Оборотни выползают
из атомного огня
и только духом,
волей и силой борьбы,
мужеством неистощимым
можно их одолеть.
Я пишу о них стихи.
Вместо берез белых,
ландышей и любви,
в строки ложатся смело
пулями долгой стрельбы
рожи искусанных идолов,
пусть о них знают все,
и те, опьяненные видами их,
в одежде от кутюрье,

и те, что проводят время с ними
в интиме телесных бурь —
бывшие люди,
ныне же для зрячих всех
правдопрятатели в неглиже.

11.03.10

***

Земляника, нет, не ты,
земляника, нет, не эта,
земляничные цветы —
непокой в душе поэта.
Белым снегом в лист зеленый,
желтой краской цвет пыльцы,
запах хвои милых сосен,
певчих птиц хоры,
небо синим светом
сверху
в смеси золота лучей
на поляну где-то...
Я мечтал о ней:
красных ягод
на ладони
горсть тебе кладу.
Светит солнце,
ветра волны
в озеро сведу,
плавать, радоваться жизни
прикасаясь невзначай
к телу цвета белых лилий,
глаз хитрющих, шаловливых.
Ты красива, а я молод.
В центре лета,
здесь, в лесу,
сосны, сосны...
Я так верил
в счастье и судьбу,
а теперь остались вы
и поляны где цветы.
Все ушло.
И жизнь по новой
я начну с весны.
Нет,
сегодня!

Поздней ночью
Земляника все же — ты,
земляника все же — эта!
Я увижу вас во сне,
и вернусь туда же, в лето,
не теряя дней уже.

11.03.10

***

От советской власти
до капиталистического счастья
тянутся в дороге
калеки на все ноги,
мрущие с горя
профсоюзы-слезы.
Впереди вожак их
с сединой на башне,
ослом стоянным скачет,
ядом-слюной мажет
всех, кто приближается
на путь его калек.
Наглости и злости,
лжи манерной
кости —
все в избытке в туше
козлишки-старика,
члены профсоюзов
идут за ним
по лужам
и верят в свет конца.
Козел на диванах мягких
в кабинетах, авто
и южных, блин, морях
тушку оmyвает,
рожу красит свет
солнца золотого,
а счастья в пути нет и нет,
и профсоюзы гибнут,
ведут их на износ
козлы советской власти
в капитализм, где страсти
и правда-проститутка
на трассе для водил.

И нет борзых и смелых
козла-чинушу
вделать
в лужу по дороге
и выбрать правды путь.
Идут бараны,
раны
на теле и сердцах,
и терпят
идиотов
ведущих их в никак.

14.03.10

***

На листья золотые
первая снега волна,
через час уже таявшего.
Под ногами вода,
сизое небо над городом,
толпы людей в пути
к Майдану!
Скорому
духу единящему
не уйти:
улыбки, радость, сияние,
и страх навсегда у тех,
кто призвал на страну
страдания,
кто народ поработил
грязной лапой власти —
страх у них навсегда.
Чинуши,
сморчки —
ерунда!
Сеявшие страх как бурьян
по стране
Украине,
нахал
их главный,
рыжий, вульгарный,
и свора вокруг
таких же мерзух
от страха,
как листья в холодной воде
под ногами идущих людей.
Счерневших, потертых
Майдан отрезвил,
и наградил их потом
предатель с рогами
бабой-пуньчихой
и друзьями-жлобами.

Предан был Дух,
и предана радость,
вера надежд
отдана в наглость
обратно все тем же,
и снова забор
колючий по кругу,
и народ в нем ослом.
Но ненадолго.
Время уйдет,
и новая поросль
поднимется.
Вздох
последний
у правников лжи,
и солнце засветит.
Все повторится.
В золото осени
Бог не оставит нас
догнивать,
как пни на прорубленной
просеке.

15.03.10

***

Типа премьер-министр, Бездаров,
принял власть
и в кабинет вошел,
чтоб всласть
упиться ею,
но тут какая-то тошнота,
дурнота, страх,
и он по телефону —
бах:
— Павло!
Приди. Все брось.
Все службы,
приди, освяти
и защити от духов,
что здесь
за горло меня!
Месть,
в глазах плывет страна,
дух Аркачеева
или подохшего козла.
И Павел освятил.
Архиепископ.
Лично был. Выполнил приказ.
Спасал премьера,
павшего на масть.
Прости меня, Христос,
за эти строки, что пишу,
их я не выдумал,
из телевизора орут:
премьер-министр
каких-то духов
увидел, вроде бы, нечистых,
и приказал кабинет освятить.
О как он церковь опустил!
Руководить стал ею тоже.
Негоже.

Церковь Божья,
и в храме — Бог.
А если занемог мозгами,
иди в храм,
и там молись с отцами,
в слезах проси ума у Бога...
Спасатель нации
нараз
приказ отдал владыке.
Сюда бы Глебова,
Крылова:
какой премьер-министр,
такая и страна.
Дева та давно ушла,
у Бездарова большая власть,
а все по катанной дорожке —
деву полить,
охаять хоть немножко:
ведь столько лет борьбы
не за расцвет страны,
а с девой-лидером,
которая стране могла дать толк.
Теперь еще и духов
деве приписал премьер.
Похоже, дядя занемог.
А обещал то взять
большой барьер...

19.03.10

***

Время катит,
реки гонят воды в море.
Свет с небес
на рожу злему,
свет на праведника...
Свет
две тыщи лет.
Христос пришел учить любви.
Две тыщи лет...
Столько святых,
и столько горя
от людей
один другому
из-за угла
все той же рожей,
ухмыляясь и радея.
Болью раненого зверя
многим натерпеть сполна,
вроде бы, и не за что.
До дна
чашу горького вина
часто не допить.
Война,
сплошная, без конца...
Обвиняя бесов страсти
люди списывают
все
на бесов. Их вина.
И что от этого
другому
нищему, ограбленному,
злему, при деньгах и власти?
Мало там добра.
Напасти сеем больше хлеба,
хлеб, почти что несъедобен —
горечью полыни,
огнем в спину, в затылок.

А любви так мало,
чистой,
светлой, нежной, бескорыстной,
где Христос и крест
в сиянии:
громкие слова и званья,
величание себя,
грязная, часто, деньга.
Выживать...
Откуда слово?
Разве главное, основа,
выжить телом,
часто, жирным?
Разве крест стоит
жизни ниже?
И что есть жизнь?
Без любви к Богу
и любви ближних?

19.03.10

***

Музейный вор.
Не в паутине,
не в маске из женского чулка,
и не сидит на стреме,
который день подряд,
и не сечет за окнами
дворца,
где вазы царские,
другой антиквариат,
и не готовится попасть.
Он — властелин земли,
где олухи его, хохлы,
избрали во власть.
Он с бородой, в очках,
и в кабинете
Банковой попстрит
дает команды,
подбирает
и шустрит
на свой музей —
коллекционер-р-р!
Коррупционер,
темных сил контрреволюционер,
на всю несчастную страну
музейный вор.
Ату его, ату!

20.03.10

***

Они идут стройными рядами,
шеренгами,
на хлебные места.
Моргают
«невинными» глазами
к кормилу власти
в замок до вечный
к большому креслу,
где стол резной
и кабинет,
и свет на стены
в ярких пятнах,
и портреты —
вождя,
подвожδικов.
Эх, народ!
Ожегся на рогатом,
выбрал лед,
который обморозит скоро нас.
Останется ворье,
с которым не поговорить
за жизнь,
которое жестоко, как камыш,
засохший на реке,
его не постелить
на сундуке,
не отдохнуть на нем...
А ты все продолжаешь верить,
слом
материи произошел давно:
шеренги на твою шею
вновь от половцев
ярмом.

30.30.10

***

Мысли свои,
копии пуль трассирующих,
пропущу
транзитом.
От жизни падлючей
они меня глючат,
спать не дают,
и нет никогда покоя.
Я правды хочу,
а мир взбеленился,
и забыл, что это такое.
Глушить их пойлом
из суррогатного спирта
и винища —
не стоит,
не помогает,
пусть эту гадость потом
выпьют те, кто ее приготовил,
а я их, транзитом,
над головой
и за спиною,
туда, дальше вниз,
и оттолкну ногою.
А в голове — тишина
зловещей катящейся бури,
может, где-то когда-то рванет,
и я первым там буду.
От дохлых маразмов
гнилого дыхания жизни,
кастинг в экстазе любви
подземной царицы,
все пропущу,
и пусть жизнь будет
личной свободой
без мыслей навешанных
их же идолом
из подземного мира смогом.

21.03.10

***

Свет, свет, свет
и капли дождя из весны,
снег, снег, снег,
почерневший, тает в пути.
Остатки сугробов
под домом,
и ручейки
дождя из весны,
первого теплого ветра
привет
с южных морей,
где-то птицы первые сели
на темные ветви деревьев,
почки первые
почти незаметные...
Все первое в каждой весне.
Под дождями
путь мой лежит,
в планах и ожиданиях
я хочу жить,
не потому что весна,
а потому, что прожил еще мало,
но лет набрал
больше, чем я хотел бы,
но остановить движение
счетчика дней невозможно.
Я люблю жизнь
с каждой весной
все больше и больше.
Дождь
радует, и каплями свежими
меня подгоняет,
путь передо мной лежит,
я его до конца не знаю.

21.03.10

***

На много лет нас утащило
вправо,
туда, где нету права,
где грозный окрик стража.
Совдепии начала
из нее скачали:
то худшее, что было —
грозный крик и рыло
с жестокими глазами.
Годами
нам с этим жить,
и хоронить в себе свободу,
свободу личности.
Не в моде
станет просто счастье —
оставят секс,
водяру, пиво,
и загашник
для дурака
на черный день.
Куда еще черней?
А страх черный
остался от революции,
где щит и меч на знаке
и Феликс в военном
френче-фраке,
без погон,
как рядовой.
Шинель на плечи —
и приговор, и приговор...
Засело в генах,
перенеслось через столетье.
А нам-то что?
Стаканом в горло,
и, как мурло, к работе
в полупоте,
на новый строй
с рабской тоской,

не понимая, где есть начало
ада и рая.

Тупость и глупость
вместо света,
простые мысли,
жена, газета
раз-два в неделю,
и чтоб пожрать,
потом в кровать —
кровь погонять —
весь смысл и цели.

Нет изменений
в человеческом теле
и мозгах:

все как когда-то,
все как всегда.

А тем немногим,
блаженным,
возом

тащить на шлее
весь этот груз,
и ночью к Богу
молитвой боли,
не за себя,
а за страну.

И пока есть
такое племя,
есть и надежда,
но вчера
часы пошли назад.

20.03.10

***

Мне уже никто, никто не нужен,
не нужен давно и я никому,
и, шлепая в глухом краю
по лужам,
одинокую встречаю я весну.
Наказан небом.
Бог меня пока оставил
за яркий, шумный
путь моих грехов,
я думал: жизнью наслаждаюсь,
а попал в оковы
греха кандалов,
и все фантазии, мечты
и мысли,
туда, назад,
где лето и трава
на берегу реки,
влюбленный
который раз,
слова
красивые о чувствах без конца,
но через время,
быстро,
встречает новая неповторимая
земная красота...
Пять месяцев зимы последней
холод,
пять месяцев бежать, бежать
навстречу весне,
но молодость
осталась в розовых мечтах,
и тянет меня
туда,
где счастлив был хоть миг.

Одинокий путник,
по лужам,
в собой построенном
глухом углу,
где хранится мира тишина,
почти что на жизненном краю.

22.03.10

***

Выстоять, выстоять, выстоять
и не сойти
с узкого, трудного,
может быть к небу ведущего,
последнего отрезка пути,
а на нем,
как на войне —
взрывы снарядов и мин,
а в голове
от постоянных ударов
клубятся мысли
огнем пожаров,
а когда и дымом,
мне легче с ними.
В редкие дни
приходят победы,
враг бежит и солнце светит,
тишина
наполняет покоем.
Но, вдруг, взрыв,
и все остальное...
Окоп бы вырыть,
сквозь шар земной
пройти навывлет
в море стрелой
и там быть долго
на зеленой волне
под синим небом,
а в вышине
полеты чаек,
хоть ненадолго...

Но я привык
стоять и верить
до конца,
и мое море —
синева,
здесь, над нами,
и в ней покой
вечный,
знаю.
Но не со мной...

20.03.10

***

Я же не пишу сочинение
по начертательной геометрии
на уроке русского языка
во втором классе лицея
имени Карла Маркса или Фарадея
бывшей фабрики кондитерской,
сейчас еще уколюсь
или выпью что-то —
«кокс» дорогой
и стал недоступен.
Простой герой улицы Блюхера,
переименованной
в переулок Чекистов,
и новые вывески:
«Площадь артистов» —
скоро цирк
приедет,
продают билеты
какие-то леди
в белых платьях,
танцую балеты
четыре сразу, а оперы нету.
По телевизору наводнение
водкой и морфием,
а Днепр мелеет
и пахнет фосфором,
красным, оставшимся
с лет прошедших,
социалистов партии
и их превращенцев,
на другом канале
раздевается женщина
и ей вливают
силикон в промежности,
оттуда по трубам
в груди качают,
женщина радуется —
молодость возвращается.

Снова курнул
коноплю с подоконника,
вижу идут
по улице дворники,
бывшие мэры и их окружение
на демонстрацию
за геев сближение
общества серого,
где только политика.
Я их сейчас сделаю!
Где мой нож или бритва?!
Но засыпаю от большой,
видно, дозы.
Скоро снова выборы,
а до них нужно
подлечить всем головы.

22.03.10

***

Прибирание отдельных
за наведение порядка
выдают по теле
и обыватель хлопает глазками.
Несладко
главным по стране
в борьбе
за чистоту народа:
убирание уroda
с дороги жизни,
в случайной, вроде, перестрелке,
а на поверку —
лишь шкуры личной интересы,
или шкурные,
как хотите,
а для прессы —
холенный ряд
все тех же прессов:
секретарь
говорит по заготовленной бумаге,
случайно все,
расследуем, и рано
иль, может, поздно
узнаем правду
под навозом,
которого уже кагаты.
И снова выстрелы случайные,
солдаты
падают на землю,
а поводыри страны
вещают:
время тяжелое и неподъемное,
в проблемах,
народ испортился, испоганился,
и хлеба
просит каждый день
по дешевке,
а кто его посеет?

Лень
пошевелиться.
А выстрелы бабахают,
и тает
частицами народ,
слетает,
но на их место новые
приходят
вурдалаки,
а главным по стране,
поверьте мне,
по счету крупному
все эти драки —
до места одного.

28.03.10

***

Вгрызаясь грызу,
грызть не перестану —
угрызение совести
одиноким трамваем
по ночному городу
под луной огромной,
свет редких фонарей
и нет света в моем доме —
он замер в ожидании
счастья.
Грызу себя,
но все не удастся
задуманное,
полностью
никогда не свершится...
По дорогам раздолбанным
трамвай мчится,
шпалы шатаются
под рельсами ржавыми,
дойдет ли он?
Да и не это главное.
Дары притухшие,
и салон в потемках,
есть ли в нем люди?
Я есть,
это точно.
Отчетливо слышу
удары колес на стыках,
трамвай несется —
трамвай ошибок,
и я вгрызаюсь в себя
все больше,
столько лет...
И мне неловко
перед Тобой, Боже.

Я все не меняюсь,
грызу свою совесть,
или то, что от нее осталось.
Ночь в луне
желтой и полной,
трамвай летит
над преисподней.

29.03.10

***

Богатый не всегда умный,
не умный не всегда дурак,
а просто так:
время и место,
рвач и нахал.
Накопления вечно —
преступление. Факт
признан по миру,
но наши не те.
Мещанин во дворянстве,
бедный Мольер!
Сегодня — простор
описать и списать
буржуазную нечисть,
примитив ихних харь.
Но никто не пытался
выдать портрет
известного лодыря
с миллиардом
не заработанным мастерски —
просто: время и стол
с креслом мягким
под место,
которым и греб.
Не всегда голова —
соответствие разуму.
На лице их написана
аристократизма фантазия —
мужичье!
И тоска...
Но газеты все пишут,
первая — их полоса,
лижут перья и ласты,
а хвосты, каждый, в бант
наряжает, и тихо
мечтает что б так
и себе отвалить,
отстегнуть и примять
миллион, миллиард.

А, что умный, дурак?
Разве это все главное
для ведения дней
в мире роскоши паяца?
Да и мудрость там — тень...

30.03.10

***

Свалка мусорных аспектов
папок, книг,
экспериментов по улучшению
судьбы всех народов,
что вокруг трубы упали,
многие в трубу попали,
многих жизнь сложилась
в домик
карточный.
Игральный столик —
целый материк
историй
переписано и, может,
шанс остался небольшой:
Бог на небе,
за душой —
пятак ржавый,
и надежда на державу,
что с рождения ведет
до конца большой народ.
Поколения слетают,
как листва с деревьев,
тают
как снега на площадях,
а мы все в надежде
так
и ждем,
надеясь метко,
как Емеля на той печке,
в сказках русских
полежать.
Время улетает,
в ряд холмы, бурьян, кусты,
в пыль стираются хвосты,
на которые спирались,
на которых танцевали
мотыльками по программе,

было их, как тех диванов,
вытертых до блеска телом,
залитых супами,
делом с завтрашнего дня.
А пока даем себя
новым поволокам власти,
чтоб вели,
чтоб напасти отводили,
умом сильным
сами спрятали извилин
малые остатки глубже.
Планов столько!
По ним и дальше
жить и будем.

01.04.10

***

Первый дождь весны.
Первое апреля.
Сны все о любви,
которые греют
криками экстаза:
— Любимая! Любимый!
Все в грехе:
пыл, жажда наслаждений.
И год за годом
хочется все больше верить,
что в этом счастье.
Плюс — слава, власть, богатство.
И ты уходишь по
искореженной дороге,
в любовных шалостях
хмельной досуг...
Земной любви
торжество,
победа тела —
и счастье слева,
и счастье справа,
и все твоё.
Вдруг все
истлело,
и только пепел
небольшой кучкой...

01.04.10

Всё вернется

***

Я плыву над землей
в потоках теплого ветра,
лицом прикасаясь
к травам,
сердце восторжено
красотою,
солнце огромное
ласково согревает,
как в детстве
рука моей мамы
голову нежно ласкает.
Хранит память
мамины руки,
и слова ее окрыляют
первой молитвой к Богу:
не понимая слов назначенья,
я проплываю над землей,
мне не нужно ничего
в этой жизни,
кроме детства и мамы...

01.04.10

***

Роскошь губит Україну.
«Бентли», «мерсы»,
сверхмашины,
джип-уродов ескадроны —
тянутся за ними гномы
с кошельками в три копейки,
мелкие деяги, клерки
все — за джипом!
Сверхгерой
сегодня мелкий —
деньги стырить
из тарелки,
где на храм лежат копейки,
и потратить на мармару,
с микрофоном у губ алых
арт-певичку,
жизнь шикарить.
Высший свет —
по магазинам
кутюрье, где шелк, резина
для особых «вип-персонов».
Шик и роскошь
дерфасоном.
Мир загнутый в рог бараний,
бедность носится дворами,
роскошь — девкой
сверхкрасы,
ноги свесила —
неси!
И несут ее, дешевку.
тлен и прах,
гробы и ямы,
миллионам без кармана
каждый джип —
могилок ряд
умерших больных ребят
из-за нищеты больниц
и не хвативших им лекарств.

Каждый «бентли»
на погост
тянет дух живой.
Народ
все ожидает
правдеца,
избранного всеми
наглеца,
у которого все — ложь,
и ведет он всех за хвост
той проторенной дорожкой,
где и роскошь,
и картошка
в огороде в бурьяне
помогает выжить всей стране,
остальное — пахнет смертью,
но не думают об этом.
Трупсистемы задан тон:
планы,
графики реформ,
и все тянутся
в блезир.
Призраки...
Жизнь — протухший мир,
гарцуют миллиарды закованных
в железо конских сил
дисбаланс соблюдая.
Зрелищ много.
Хлеба мало.

02.04.10

***

Не повторять!
Я повторяю:
гореть, сгорать!
И пусть меня
как стали прут
в печи кузнечной,
до красноты,
и молотом,
умелыми руками,
а снизу — вечность наковальни:
удар, удар, удар!
И снова — печь
и гарь угля,
отсвет огня
по стенам тресканного кирпича.
Ты одна
в моем покое беспокойства
недоступна навсегда.
И я оставил все в мечтах,
чтоб в них гореть,
и в них сгорать,
и не вернуть
мне лет назад —
ушли гулять
по памяти, где нет
уже давно тех сил —
сгорели...
Всерьез
я иногда мечтаю о тебе,
ты прошла
с улыбкой
знакомой только мне.
Горю,
сжигая все до тла —
остатки грез
любви,
которая так и не прошла.

03.04.10

***

Постоянная больница,
запах хлора,
бесконечные лекарства,
и прогулки в коридорах,
где воздух свежий
как намек:
кому-то хуже снова стало,
кто-то пришел живым,
чтоб остановилось время навсегда,
и выход вниз
по проводам
тележки с белой простыней.
Беда, а, может, горе
за спиной,
и разговоры о здоровье,
которое прошло
как буря в море,
а потом — штиль.
Больницы покоя.
Сны снятся о них,
и в них такое
пережить пришлось,
и все вошло в привычку.
Другая жизнь
где-то бурлит,
и слышно
ее по телевизору экрана,
но там — все ложь,
игра, неправда,
а здесь все так знакомо и надежно:
лекарства, доктор,

и, возможно,
услышать, что все осталось позади,
и новая дорога впереди,
но это все, как правило, мечты,
а так — больница,
и надежда
от нас живым еще уйти.

03.04.10

***

Как мне славить Бога?
Через пень-колоду
ведет дорога,
которую умом глубоким,
казалось,
выбрал я.
Обочин много вдоль,
на них я отдыхаю,
ноги изранены, избиты,
я часто просто погибаю,
но ты, Отец, ведешь
шального сына,
терпишь его нытье.
Неоспоримо
великий Бог Ты,
и я просто недостоин
с грехами,
с колеблющейся волей —
как ветви дерева под ветром
все качаюсь,
то, вдруг, Ты мой,
а завтра — забываю,
и вновь несет меня,
куда?
Известно.
Ты подставляешь перст,
и я извечно
понимаю, и прошу, и каюсь.
Великий Бог!
Меня не забываешь.
Завтра день великий:
Ты воскрес и спас всех.
Часы остались
до границы,
от которой изменилось время —
что до Христа и с Ним.

Я понимаю,
что, наверно,
я счастлив уже тем,
что здесь родился,
и православным стал,
и от Тебя крестился.
Стыдно мне к Тебе взывать,
стыдно имя Твое
часто называть:
я самый недостойный
из всех,
кого Ты знаешь.
Прости меня
в великий этот день
на той границе
откуда я с Тобой
идти пытаюсь.

03.04.10

***

Промывая мозги гражданам,
портреты стоят важные
вдоль дорог и по паркам
страх нагоняя
огарком
взгляда, понарошку опасного,
пальцем тычет,
губы сжав тонкие,
пугая народ испуганный,
чиновники купленные,
избранные вверх, править.
Общество с гнилостным запахом
бродит часто напрасно,
но раз в сто лет прорывает
и свой страх назад возвращает,
и тогда бегут, загребая
в стороны разные,
размыкая
ряды сжатые и стройные,
бонз партийных помойник
время снегом кроет,
пыль покрывает площади.
Снова все сначала —
выборы
и портреты
со взглядом шакала.

03.04.10

***

Первый света луч на землю
и торжество Вселенной
музыкой по миру
слова, дающие надежду
и смысл всей жизни,
слова, которых выше нет:
— Христос воскрес!
— Христос воскрес!
— Христос воскрес!
Первые цветы
среди весны,
первые ростки травы
и птицы певчие
из далеких южных стран —
все славит Бога.
Уста мои
молитвы шепчут добрые слова,
не за себя,
а за тебя, Земля, страна, семья,
за тех, кто сделал первые шаги,
Мария, дочь моя,
за тебя молюсь.
Славлю Бога,
жизнь,
которую Он дал всему,
и я горжусь
Великим днем
и Богом,
что всегда со мной.

04.04.10

***

Подкова на счастье —
модным вдруг стало:
на старой телеге,
на самосвале,
на дверях дома —
подкова.
Дорога,
символ дороги,
в вечном движении
смерть и рождение.
Движутся люди
под Божьим покровом,
Богом ведомы.
На счастье подкова —
атрибут превращений,
вечных движений.
А что здесь главенствует?
Счастье
и поиск,
его же, на миг,
и скорость, и скорость:
от юноши светлого,
с улыбкой беспечной, —
до старца седого
всего семь километров,
условных, конечно,
и время, мгновенье,
если и есть
время Вселенной —
вихрь бесконечности.
Дорога под ноги,
дорога по сердцу
от дома и к дому —
тащимся, движемся,
счастье, конечно,
быстрое, острое,

в нем смысл, наверное,
без него грустно,
и пыль безнадёги,
без него ломко,
и смысл в той дороге —
счастье — и символ
его, вдруг, в подкове
на счастье, и цель —
радость походы
на пыльной дороге.

06.04.10

***

Очерстневшие люди,
любовь превратившие
в похоть услады
и молью изъеденные
в перспективе наряды,
кушанья без меры,
вина и водки,
пиво ведрами из полиэтилена.
Осоловевшие глазки —
под праздник
их начинают заливать
очень рано,
так что когда он наступает,
все уже выпито,
и рыла сини и пьяны.
А праздники раньше —
дни революций,
сегодня — свободы от эволюций
и падения вниз,
где пучины из страсти,
залитые нечистью, и плохо пахнут,
и праздники веры —
сегодня все верят,
в церковь заходят
и крестятся, —
звери потом просыпаются
в душах
когда из церкви выходят,
и учат, и учат
с криками, воплями,
Бога прося
отпустить грех,
и снова крестясь.

Все списали на бесов,
которых так много:
бесы, мол, часто
злобу, тревогу, беду
на преданных Богу
посылают,
и люди от бесов, мол, и страдают,
а сами они — не причем,
тоже страдают.

08.04.10

***

Город, где завяли цветы,
город когда-то моей мечты,
город, где стоит пыль столбом,
на улицах рев, грохот и гром
бесконечных потоков машин,
гарь, дым, бензин,
город вчера еще парков и садов —
сколько здесь сложили голов
братья зеленые,
для власти они — куча дров,
ушли навсегда без могил и крестов
под новые стройки
уродов-домов.
Последние годы тобой, город, правят
смешные цари:
грабят, ликуют,
скоты!
А для жильцов главное,
чтобы в трубах был газ
и немного грязной воды.
Со всех сторон к тебе
люди идут,
но не на поклон святыням,
а трут
свои ноги
в целях сорвать деньги.
Ночные рестораны, клубы,
шансон культурой стал,
со сцен — полуголые девки,
улыбаясь
поклон
золотому тельцу
и твоим новым «князьям»,
из тьмы, пришедшим
создать горе нам.

На кручах еще стоят
купола и кресты —
к небу мосты,
но сегодня они мало кому
нужны,
нужны деньги и власть
типа сладко красть, и красть.
Город-воин из древних
седин,
святость твоя над миром
давно,
но здесь главный девиз:
выжить
любой ценой.
Что за лозунги?
И в чем их цена?
А, может, это и есть
сверхновая чума?

09.04.10

***

Секс, помноженный на деньги,
в выхлопе лишь ускоренье
отношения систем
бабок, баб и жарких тел.
Папик платит,
и, в натуре,
хочет взять побольше с шкуры.
Девка знает:
время влет,
годы улетят и — стоп! —
и поэтому все, что
можно, выжимает
чтоб потом вложить
в дома, авто:
это — закрома успешной жизни.
Стыд и совесть
как микробы,
их не видно,
и зазнобы расковались,
распустившись
в поисках папашек жирных.
Результат — лишь пот и стоны,
дети — редко
в этих гонках;
дети от любви,
и яркой.
Здесь умножены системы
секса, денег,
как на ферме,
где растут змеи для яда
или шампиньоны
по подвалам.

Все в расчете —
холод мыслей,
и согреть его
лишь лишком
брошенных купюр
меж ноги
телке без лица
и рожи —
они стали так похожи
на кусок камня.
Честь и совесть
лишь микробы
в глубине души
зазнобы.

09.04.10

***

Если бы я не горел меж жерновами,
я бы не получил от Господа награду
за жизнь свою,
где так мало было радости,
но я терплю, люблю.
Как искра от костра
уходит жизнь,
туда, в небеса,
с моим счастьем, что в душе.
И счастье то большое.
Больше всех —
любовь к Творцу,
и от Него — обратная любовь.
В этом жизни смысл:
гореть, терпеть.
И вновь
наступит день
похож на детства сон,
когда все яркое кругом,
и радости бушует океан
от жизни красоты
и от любви небес.
Храни меня, Отец!

09.04.10

***

Глобальні псевдоперетворення
революцій —
відтяти голови всім нескореним,
мільйони кістяків,
криваві мозолі сибірських таборів,
кривавий прапор.
І бидлом став народ,
все жде погонича
з батогом,
чи з посохом сучкастим,
вже сам не може йти —
дійшов до ручки.
Змарнілі духом
мерця несуть частіше з дому,
аніж дитинку в дім,
загальна дебілізму кома,
і лінощі —
нічого нікому не треба.

11.04.10

***

Я не буду бежать за вами, деньги,
я брошу эту дурманящую сладость,
я потрачу это время
на простую человеческую радость
наблюдать за бегущими облаками,
полетами птиц в небе,
рассматривать деревья
и становиться с ними друзьями.
Я буду тихим и молчаливым,
я вернусь в детство,
я буду музыку писать
днем и ночью
о самом главном:
для чего в свет этот
мы явились
на миг короткий —
не для собирания бумажек,
а для любви
и в этом радость.

11.04.10

***

В театре, как в природе,
меняют занавес, портьеры
меняют декорации.
Спектакли
в природе так же, как в театре —
вчера еще тепло и солнце,
сегодня — занавес свинцовый,
холодный ветер,
проникают сквозь одежду
капли дождя.
Все, как и прежде:
розовых бутонов цвет
на абрикосах —
завтра зацветут,
а, может, на день позже.
Холодом отмечен этот
праздник:
первые цветы,
садик
стоит, дрожит под ветром,
солнце,
белый снег черемухи
пьянящий,
весна
оденется в наряды
тысяч соцветий
теплые дожди,
дни степлевшие —
всё к лету.
Сегодня — граница
холода
и первого розового цвета.

16.04.10

***

Уходящие в сумеречности сознания
от любви незнания,
поодиночке и рядами,
отрядами и армиями,
в собственном купаясь эгоизме,
уходят,
когда еще вся жизнь до тризны,
окунаясь в полумрак.
Любям нравится страдать,
и близких тянут на веревке,
туда, к себе,
как вещь на барахолку
от незнания любви.
Оставлены в пути
мосты,
их сохраняют те,
кто в солнце,
кто светом Божиим
в оконце спозаранку
освещен —
они любят нас всех.
Гром, и дождь
смывает пыль,
мир становится
мил,
но из сумерек вернуться,
обвешавшись мерзостью,
набело
отмыться
и очистить сердце
тяжело.
Легче нелепо
обвинять других,
самим зашедшим
в мрак, тупик.

19.04.10

***

Первые цветы,
первый цвет садов
бело-розовых вмиг
под ветром еще сырым
и бодряще-прохладным
с воды.
Серой лентой поток,
огромный через него мост
гудит день и ночь,
потоки машин,
метро —
взрыв прогресса.
Но мне все равно
до него,
мне — цветы.
Я мужчина,
и прячу чувства свои
от нелюбви машин
до любви весны
и ее цветов —
короны земли.
Мне бы еще такой сон:
цветы, цветы...

19.04.10

***

И снова та же банка,
и те же пауки,
бублики-баранки
для люда —
червяки заморить голодные,
проценты
и слова холодные,
и снова голова
сжимается тисками —
верить или нет? —
программам и металлу
в голосах тех, что всех
снова за болванов держат
и ведут упрямо.
Не свернуть
щепке из потока
в спокойненький залив —
буруны, удары
о камень головой,
руки окоченели,
тело в крови.
Пауки, что были раньше,
властью опьяняя
себя, родных,
при зимней стуже
ушли, как дураки,
без грохота орудий,
без залпов из ружья,
и только шелест в стужах
зеленого дождя.
Запрятано, зарыто
бумаги тонны злой,
из-за которой родина
осталась без штанов,
заложенных и проданных
земель, домов
и той,
что называют громко
экономикой.

И снова та же банка,
и снова пьют из нас сок
пауки,
и чешутся головы
у тех,
кто силы свои выбросил
на сломанный свисток.

20.04.10

***

Футбол опора,
где каждый форвард
ценою в город.
Программа власти
и главный план
“Евро-12”,
а капиталл
снимут с рубашкой
с народа.
Вякнут —
и отдадут они бумажки на стадионы
и прочий круг
для фанов с пивом,
полудебилов,
чтоб покричать им
на супертрибунах,
спустить их пар,
как с паровоза,
что не везет,
а ждет отправки, на типа
запасном, полустанке.
Вот так и с нами.
Придуман план
бесовских зрелищ:
бежит пацан
и мячик вертит,
ногой, башкой,
и рев трибун:
“Забей!”
Будь нашим
кумиром,
смыслом
дешевой жизни,
где все — футбол.
Мячик пригнет
когда-нибудь
и станет голом,
а форвард стоит,
как целый город.

Потом остынут стадионы,
в отелях пусто,
аэродромы
пустые тоже,
все пылью, молью и паутиной
покроет время
после Евро,
а дяди мира,
власть элиты,
снимут деньги.
Время сбито,
задымлен мозг
целым народам.
Футбол и мяч,
прыжки, разгоны —
и пиво, пиво
вместе с водкой,
и фан-народы
сторают
как отходы
на помойке.

24.04.10

***

Солнечный свет
утром ранним
золотит тебя, нагая,
и твоя кожа,
и блеск волос
в золотой патине,
я бы мог
вечность смотреть на тебя,
нагая, в золоте,
любовь моя.
Сегодня в летнее утро,
последнее,
ты вскочила с постели, любимая.
Вредная,
так мне показалось,
и мы расстались,
я ушел не прощаясь.
Ты звонила,
ты просила,
ты говорила, что бросишь
меня,
как бросил я тебя.
Дни слагались в недели,
недели в месяцы,
улетели лето с зимой,
и снова весной,
как впервые,
ты пришла ко мне
в костюме черного цвета,
волосы в золоте,
лицо тоже,
глаза зеленые
умные, добрые.
Ты смеялась.
Я хотел сжать время,
как можно быстрее
освободиться,
расстаться с тобой,
может быть, навсегда.

Не спится
сегодня мне часто,
я помню тебя всю,
я помню все, что было,
и тот сюрприз
который ты преподнесла.
Но я не понял,
и просто сбежал.
Я бросил много
женщин разных,
но ты одна
в золоте красном,
и я найду тебя до ухода
в мир бесконечный
к далеким звездам,
там и ты будешь со мною,
навсегда,
в золотом блеске.
У меня ты была такая одна.

24.04.10

***

В парламенте
начали работать законы физики,
остальные опростоволохились
и буксонули.
Выступал какой-то ведущий,
законы Ньютона
читал нам как игрушку,
на силу действия гремел,
избранник,
а такой же силой
противодействует из угля пряник,
лицо было жесткое, кривое,
губы сжатые, силой физической до боли.
Кому нужна антреприза —
из России,
несчастные?
Здесь такой театр!
А над ним — потертый веник.
Каждый босяк —
сегодня гений.
Штампуют свои себе же ордена,
и ими награждают своих же,
лампасы клеят себе
прямо по ногам,
а на них брюки одевают,
зато потом, в постели,
с девкой
орденами татуажем
и лампасами наклейками
щеголят.
Честь стала нимфоманкой,
ей платили,
и она продала рамки
приличия
одному воротиле,
тот с ними носится
как с антиквариатом:

продать тоже, вроде, хочется,
но с ценой не сладит,
хоть уже не один месяц
сидит с ними на базаре.
Стенка на стенку —
бьют наших!
А кто наши?
Контроль утрачен,
все не к добру,
учитывая грязь на улицах,
я тоже неизвестно куда иду,
осутившись.

24.04.10

***

Суд идет!
Всем лечь,
и отдать все, что есть,
не только то, что думали
отдать судье,
сегодня все отдать!
В крыше суда — дыра,
её нужно латать.
— А мне? —
рокотом голос прокурора,
как взлет сверхзвукового.
— А мне?
Мне дело закрывать,
и половину с половины отдавать.
И все лежат,
и все суют в руку большую,
все дают.
А вот и очередь бедного
писаки-репортера, что
из далекого района,
Сосновый бор,
на севере страны,
в руках блокнот, очки
и мокрые штаны,
руки блудливые пошли
искать,
а вот и есть! Гривен
сорок пять.
“Обед, проезд домой...” —
шептал мальчишка-репортер.
— Молчать!
Чего пришел ты в суд
если пуст карман?!
Охранник вытер пальцы,
брезгливо положил в карман
себе копейки,
и вынес репортера вон.
Мокрая скамейка,
капли барабанили об пол.

— Едрена мать!
Пришел... —
промямлил
прокурор.
Собрали все.
И вот команда: сесть!
И сели на скамейки, стулья,
где кто хотел,
кто в шоке был
и думал, что впаяли срок,
сел просто на дощатый пол.
И начался процесс.
Все шло серьезно,
суд копал
дальше и глубже,
вытирая пот,
прокурор рычал,
разогревая пыл,
и суд все греб и греб
тома:
убийства, кражи,
закрома страны задеты!
На совещании ели котлеты,
считали мзду,
а адвокат писнул еще
и чек.
Суд оправдал всех.
И уехала колонна
мягких машин,
музыка приятная
в салонах.
Судья пил дорогой коньяк,
пускал слезу,
шептал дружку:
— Ништяк все, пацаны!
Спасем мы всех,
нам все должны.

25.04.10

***

Люда простого осталось в стране
очень мало,
“элита” выросла
и место под солнцем
себе оторвала.
А люд уходил в бесконечность
миров,
по Европе, Америке
работать в десять потов,
а “элита” поднялась, размножилась
быстро —
все у них есть в несессер-наборе:
дома и квартиры,
машины и яхты,
одежда, брильянты,
но жизнь улетает со скоростью света —
не остановишь старенье,
и это
одна из проблем.
Не закрыть все купюрой,
смерть забирает их тоже,
в натуре,
а кладбищ элитных —
раз, два и обчелся, —
Байковых,
скажем, одно
да и только,
аллея центральная —
метров на триста,
всех не положишь
бандитов, артистов,
чиновников, клерков.
Выход есть
и опыт —
дома, где квартиры
на двадцать и тридцать
этажей в облака.

А это все можно
с тем же прорабом,
мэром-героем,
на кладбище
махом
яму метров под сто глубиной:
стеллажи из бетона,
с могилой одной,
и памятник-стелла,
на нем — имена, портреты,
бюсты,
места до дна
хватит на всех
без проблем.
Я патентую
идею.
А для бедных героев,
поэтов, писателей и журналистов,
философов
и многих других артистов,
не служивших
под цифрою шесть
в гарнизоне
на Банковой или Грушевского,
а Робинзонами
на своих островах,
им я с патента
отчислю:
будет на хлеб этим
беднякам.
А кладбища Байкового
На “элигу” всю хватит
на тысячу лет.
Если дотянут.

28.04.10

***

Мы все догораем огарками свеч,
и в этом пространстве
ничего уже нет,
отдельных лучей свет
в вышину,
где истина благ.
Но нам ни к чему.
Мы все привыкли
давно по-другому,
где правда — газета,
а совесть из дома
ушла спозаранку
столетия назад.
Вначале искали,
потом перестали,
а нам объяснили,
что ее-то поймали.
Но кто и когда?
И где она скрыта?
Нам это не нужно,
только корыто
с хрюканьем рядом,
где можно плечом
оттолкнуть себе равного,
и съесть на день корм.
А те, что постарше,
они с булавой —
палкой дубовой,
и свет за спиной,
чтобы мы не смотрели,
слепляли глаза,
и только их голос
заставлял нас дрожать.
Мы догораем огарками свеч,
мы умираем,
уходим,
и нет нам замены.

Приходят другие,
с зубами-заточками,
очень лихие,
они пока бьются в стаях своих,
время их позже.
Услышите крик —
это они, съедая друг друга,
к корыту уже не подходят,
там дует
ветер несвежий
из грязного стойла:
сараи, коровники
не их цели,
они зубы
злобно сжимая,
прут на дворцы,
где сильная стая.
Зубы
отточены зверством.
Кто победит,
когда сцепятся вместе?

29.04.10

***

Я не знаю даст ли мне Бог
еще одну весну,
и смеюсь сейчас,
но все равно грущу...
Там где-то в глубине души
столбы,
которые не дают
открыть
потоки радости,
что через край,
как много лет назад,
что-то щемит
и держит так,
что только внешне
на лице смеюсь,
а в глубине души
грусть...
Мне бы это перейти
хотя б на день!
Цветут сады,
и лепестки сияют
в солнечных лучах,
огнях
цветов
разбросанных везде.
Золото одуванчиков,
тюльпанов цвет,
и небо бесконечное весны.
Я снова чувствую, люблю,
ты видишь это,
радуешься
много лет,
моя избранница.
Я — поэт,
хоть поздно начал я
писать стихи.

Но видит Бог —
все от Него.
И смысл в жизни
все же есть:
после зимы —
весна,
любовь
и белый цвет
садов.

29.04.10

***

В стране праздников много —
череда выходных.
Власть устала от народа,
и начала вновь гнобить
бесконечной картошкой
среди бурьянов,
колорадских жуков
и ядов волной.
Погреба под засолку,
чтобы как-то прожить —
кто кормит телку
кто корову на мясо —
консервы в семью.
А из дворцов улетают
в рай островов:
океанские пляжи
теплых песков,
разношерстных красавиц
полунеженный взгляд,
готовы к услугам
хоть в воде, хоть сейчас,
манго соки,
рыба и крабы —
вот это еда!
А народ держит сапку
от царя до царя,
через столетья
и космос,
полет на Луну,
сапка машется звонко,
и бурьян на кону,
вместо фишек застолий.
Поза, из-за которой —
кровь в виски к голове.
Думать некогда.

Скоро
день рабочий вполне,
там отдаться придется
державе с целой кодлой купцов:
ток финансов
не для наших голов.
Правит власть либералов
с островов и дворцов,
скоро снова вот праздник —
к позе раком, будь готов!

30.04.10

***

Проституированное пространство
где продавательство, предательство
с образованием факультета хамства.
Хитрость заменила мудрость,
и все гордятся,
хитрость стала высшим
достижением,
играться
с нею хочется нам всем.
Воровство стало профессией,
престижной насовсем,
и не стоят сейчас на
шухере у дома,
а едут воровать в дорогом
костюме
с эскортом милицейского
мотоавтодрома,
вора лелеют и возносят
все выше в гору —
должности управления страной,
медали.
Вам знакомо?
Узнаете страну,
где власти хитростью
решили обдурить
на свете все?
И удалось,
на миг короткий.
И власть решила:
век их долгий,
и все обдуренные в дури
не поняли, не въехали
в их туры,
и так остались в
самотеке
грязным ручьем,
сухим потоком.

Но все не так:
все знают всё,
а ложь танцует
в чужом пальто
с чужой женой
в своем театре,
который, больше, — цирк.
Обратный ход —
тяжелый ход,
порой вулкана будет мощь,
поставить все
на те места,
где им должно стоять.
Пока
все остается на плаву —
в болоте истин я живу.

02.05.10

***

Партия!
Мне стыдно перед собой,
что я в тебе был
лишь большой болт
покрытый хромом
в раздолбанном механизме
мне так знакомом,
и от твоей неисправности,
и ошибок в конструкции
все болты и шестерни
служили лишь Бюро Большому —
его портреты на демонстрациях,
его портреты в полной прострации
людей, в общем, неглупых,
но поржавевших,
хоть масла лили доверху
и сверху,
но вниз масло не попадало,
его по частям
воровали
и лгали:
— Все в норме!
Движение по плану.
Те планы пятилетние
начаты тачками,
закончены большегрузными автомобилями,
ядерным оружием в изобилии,
но ложь
все калечила,
и отсутствие истины —
Бога не было
в душах партийных,
его отменили черти рыжие
еще в семнадцатом,
когда всё резали и пилили.

Выстрел в голову
ничто не стоил,
но всех перестрелять
не хватало патронов.
Но и страна без массовой
невозможна,
поэтому мозги вычистили
особым способом:
книги, газеты, радио и телевидение,
речи болтов, валов,
и предвидение
светлого конца
коммунистического.
Оказалось — тупик
лжи и туповодительства
массовки.
На лафетах на кладбище
увозили главных,
салюты горечи,
или радости?
Все смешалось.
И мне стыдно
не за плохие дела,
а за то, что сразу все видел:
путь этот в светлое
смешил в молодости,
время тратили
на книги и колкости.
Волной смело аппарат —
освобождение!
Механизм поменяли,
но болты остались,
из них собрали
и повели дальше
массовку.

Двадцать лет нет толку,
путь становится
хуже и хуже,
нам тяжело,
мы не бедуины и не верблюды —
падаем, мрем,
опускаемся,
но не на колени, каяться,
а с какой-то злостью
мерзкой.
Ложь возросла,
и стала ловкой,
изошрены лжецы ее
и, вроде бы, в это сами верят,
и никто уже ни о чем
не мечтает,
ни лафеты,
ни салюты
уже не спасают.
Запасных частей
огромное множество:
сломался, стерся один болт —
десять точится,
станки дребезжат и работают.
Дорога уже по ямам,
и многие из них
не выходят.

03.05.10

***

В весеннем свете май,
начало,
цветение деревьев.
Не устала природа
удивлять цветами,
их красок бесконечность,
гаммы
музыки движения в пространстве,
гудение шмелей
и пчел утром ранним,
и веером жуки, майские —
под вечным небом
вечной жизни торжество.
Стою на берегу реки
в душе, где май всегда.
— Беги! —
я говорю себе.
Пока ты на Земле
и май весны,
и май моей души
сложились вместе.
— Ты беги,
как бежит река
в просторы жизни,
в эти цвета
майских цветов.
Все так проходит быстро,
ход часов
не умаляет,
время не остановить.
Радует, что бесконечность
жизни
чувствую
Ты слышишь, вечность!
Я тоже — бесконечность.

05.05.10

***

Приспустив штаны,
и юбки подзадрав,
костяк «проффессионалов»
брататься побежал
на север к могучему
когда-то, наверное, соседу,
ибо могучесть эта
проявлялась
в слезах и крови
неисчислимых жертв.
То царь, гуляющий, всезнайка,
то злой, как зверь,
то кистенем из-за угла купца —
разбогатец разбойник в миг —
уже и сам купец,
почет и шик,
а мужичок все пьет,
и грязь среди лесов —
дороги,
по которым я не раз прошел,
и русский дух
во мне тоже живет,
но не из тех времен
где Сталин,
Берия в пенсне,
Ленин с ружьем
и матрос при нем,
где храмы в дым, огонь,
расстрелы миллионов,
вонь трупов по стране —
сосед суров в такой войне,
внутри себя он закалился,
жизнь человека — пшик,
русский дух привык,
когда кулак стучит.

А мы хилые, в немощи ума —
трусливо побрататься,
в закрома соседу руку вставить,
газа, нефти, рыбки
поубавить,
себе стянуть.

Но не пройдет.

С русским умом
вначале можно
и гульнуть,
особенно по-пьяну,
но трезвый русский после бани,
оклемавшись,
сдерет вдвойне,
еще и вымажет в смоле,
по роже даст,
а то — пинком под зад,
ведь русский,
это русский, —
с уваженьем говорят.

Поэтому брататься можно,
но сложно соединить сердца
народов-братьев
после унижений без конца.

06.05.10

***

Я отведу тебя на ту поляну
цветов
и утренней росы
в лесу, где ели с соснами
рядами.
Тот день запомнишь ты,
в любви и сладостях объятий,
под перепевы птиц.
Солнце пробивается
лучами
сквозь ветви хвой,
золотит
траву с цветами.
Жарким маем
в цветах лесных
поляна —
моя в огне любовь.

07.05.10

***

“Близ есмь при дверях” —
сказано в Писании,
и говорят об этом
времена
чередой событий
дна,
спустившихся с цепи,
как псы
страсти, алчность, ложь
и лужи клеветы,
на тех, кто хоть немного чист
в своих помыслах
и быстр
на добрые дела,
но времена антихриста
его пора
не за горами
и мы как марионетки
в его хульной игре
годами
в скотской очереди
к миру наслаждений,
стяжания не Духа благоволения,
а резанной бумаги —
денег, домов, автомобилей.
И верхушка айсберга —
пик наслаждений
цариц мирских,
красавиц, светских львиц,
как их пресса называет,
накрашенных:
все для блага
лестницы со дна.
Антихрист и его пора.

Вся логика добра —
с ног на голову,
свободы
не видать уже никак.
Время пришло
выбирать
за кем идти.

07.05.10

***

Тени деревьев по пыльной дороге,
я медленно двигаюсь,
обжигая о разогретую землю
босые ноги,
иссохшие губы шепчут
молитву
Господу Богу
и Деве Марии.
Жаждой измученный,
солнцем спаленный,
двигаюсь дальше
без остановок,
зная, что под деревом
я не спрячусь
от жажды и голода —
на пути пересохшие
за лето озерца
с потресканным дном
ила иссохшего.
Двигаясь медленно,
я все молюсь
не за себя и
жизнь свою,
молитвы из сердца,
где радость
растет
с прибавленьем страданий.
Что мне жара,
и путь одиночки?
Если со мной Бог
днем и ночью,
Дева Мария
с покровом защиты.
Что мне вода из озер
чтоб напиться?
Я с Духом Святым —
вечный источник.

Губы сухие
шепчут
славу и верность мою
Господу Богу.

07.05.10

***

Все почти что ничего не понимают,
многие многого не знают.

Вдоль моего двора
стеною пыль дороги —
с пастбища идут коровы.
Лепестки цветков с деревьев
который день уносит ветер,
весна уходит
и уносит фазы
шизофрений и прочей грязи,
но ненадолго.

Смотрю в газету —
видный господин
в портрете
и наваял, подлец,
глаз себе пар десять,
они, как зеркало души.

Заметьте,
на всякий случай, —
раз — и новой парой глаз
публике с экрана.

Коровы с пастбища умней:
их не накормишь завтра,
или взглядом,
а здесь мигают невинностью
ресницы.

А поезд мчится в пустыне,
где талибы
сэкономили на хлебе,
и патронов прикупили,
немножко динамита и ракеты
им дали миротворцы,
за ответы,
что хотели слышать.

Получили.

Сегодня поезд под откос пустили.

Без нашего министра обошлись там,
сами умны.
Воины —
куда нам!
На юге страны —
памятник вождю времен и народов
с трубкой в руке.
Скучают, говорят, какие-то фронтовики:
помкомвзвода из заградотряда,
капитан НКВД,
писарь продслужбы штаба —
так надо,
без него не перейти
туда,
где сам усатый —
не беда,
что для других он — горе.
Помкомвзвода
с ним на устах
держал в затворе
приказ:
— Ни шагу, слышь, назад!
Теперь стоит грузино-осетин,
десятки миллионов положил,
и создал Ё-страну:
одни трусы на всю семью,
зато заводы танков, самолетов!
На хилых плечиках
женщин молодых,
доживших век свой
на мартене без мужчин.
И снова вижу в телевизоре,
газете —
телка или шлюха
на спине лежит раздетой,
а в зоне парламента —
правительства отчет
о российско-украинской дружбе
в долг.

Слюнявит тело на бумаге —
депутат
не первый раз,
хряк!
Как мне туда приличному попасть?
А я все в долг.
Так принято было тогда:
медаль на грудь,
грамота,
вода
из глаз
и благодарение великому
партийному портрету —
это мне в долг
страна дала,
я должен ей за это.
А тот, с газеты,
с фотками шлюх —
не должник,
он поводырь,
он власть.
Мы доживаем,
не живем,
нами играют,
втирают нам
большой дурдом.

12.05.10

***

Сегодня в первый раз
новый праздник у страны,
чабаны гонят стада
в долины с гор —
брынза, масло,
вина
перебор.
Столько праздников ввели,
но этот день все
хотели до крови.
Президент издал указ,
пацаны, что рядом с ним,
одобрили,
но на день всего один.
Только в праздник
продающиеся больше не нужны,
их не покупают
как штаны,
то ли депутат-перебежчик,
то ли клерк чиновный —
в этот день никто не купит.
Голову отрубят
по указу
кто продался, кто купил.
Башка остался,
на земле
праздник,
вся страна в угаре,
пьют, гуляют люди радо.
Чешет за ухом пичулка
ох как тяжело же ей ждать
завтрашнего дня,
чтоб продать
себя в партию труда!

Из народной —
кто куда,
там у лидера — труба,
денег нет,
не дал Нацбанк,
прокатали в дом министров,
и бегут оттуда чисто
кто куда.
Но праздник вышел на “ура!”
Флаги на домах висят,
транспаранты на всю площадь.
Продающихся замочат,
как и тех кто покупает...

12.05.10

***

Одни вспоминают голодомор,
другим политдрака,
третьи, в натуре,
стали в позу.
Ребята,
стертых могил
я помню места,
дни поминальные,
в солнце — мрак
страха ухода.
Мальчишкой
я чувствовал святость
посещения могил
ушедших,
и память о них
возвращает тот день,
мама просит меня:
— Не бегай ты здесь,
не становись на могилы
ногами.
И я с полными
слез глазами:
— Я не хожу по могилам...
— Слышишь, сынок,
эти холмики в траве —
это могилы
из голодовки,
из тридцатых годов...
С винтовкой
вывезли хлеб,
люди лежали мертвые
на улицах, в домах, в сараях,
их хоронили,
в ямы помногу,
а сверху холмик...

Сравнился с землею,
и нет им крестов,
и нет о них знаний,
в памяти общее
горе осталось...
Я помню те холмики,
множество скрытых
травой,
сравнились с землею
Убитых...
Убитых...
Убитых...
Ты слышишь?!
Сталин и Ленин!
Тобою!

12.05.10

***

Маркса и Ленина
сбили в бригаду,
добавили Энгельса,
Сталина,
рядом
кучу поменьше специалистов,
получилось ученье
для оказания,
и повели страну
дорогой от Бога.
Не соскочили,
не пролетели
на паровозе своею артелью
мимо крестов,
куполов в поднебесье —
храм оказался сильнее
чем их мракобесье.
...Ночами снова
бригады,
выстрелы киллеров,
отряд на отряд,
продажа ментов,
продажа всей власти,
и вновь смешалось
мертвый и здравствуй,
но без ученья,
а по наитию
или понятиям
тащат нас к жизни
и через храмы,
и все, вдруг, с крестами,
но без любви
к Богу и людям.
Куда та дорога?
По ней только
блудим.

12.05.10

***

«Стабильность» фашизма
кончается крахом,
свет от звезды
размывает пространство мрака,
жестокость посеяна
рвется толпою,
медали с груди горою,
проклятье трупам,
лежащим под сенью гранита,
кости топчутся,
и, извините,
вы не услышите
опьянения свободой.
Потом на короткий миг
все по новой:
лидеры громко кричат,
обещают,
новый мессия
с коровника всех просвещает,
витиеватые речи
скидает на родину-мать.
Ему все поверят,
но не надолго.
Опять
ненависть слабым
полудоумкам
с граблями теми же, что
раньше, придурки,
на них наступали —
сбежали,
но инвентарь не забрали,
и снова толпа
желает мясистую руку,
которая силой
зажмет всех,
и ухнем
от новых свершений,
экономических бумов,

а дух, как и был,
остался забытым,
ненужным.

14.05.10

***

Сколько режимов
Власти по миру,
столько склоненных
лизунов,
что слюнями-устаи
речи свои вверх вождю
направляли.
Огромною массой из гущи народа
людишки
с душою урода
хвалебные слюни пускают
с экранов-телеврунов,
газет и журналов,
на митингах бьют себя в грудь
обещая
службу стране, народу,
и чаять его интересы
А мысли
свои —
свои интересы.
И что им вожди,
которых в душе ненавидят.
Бояться
за волю царя,
можно с задом холеным
расстаться,
с перины пуховой
на нары
в допры,
на гильотины,
и вроты языки отрастив
по полметра,
метут по дорожке
глупого мэтра,
который сдается на бархатный
лепет
своего недодумства
взымаясь, как ветер,

в глазах недодела
под небо.
Фантазии жизни,
которая крутит
глупцами с надеждой,
что Бог все отпустит
за властелинство
проедания
собственных рабских голов,
а вначале
все было ярко, красиво,
в обертке,
кончилось мерзко,
как выстрел из винтовки.
Быстро сварганили
гроб-катафалку,
яма, цветы,
и забыли поганку.
Новый пришел на смену,
с улыбкой,
сильный, надежный,
а рядом подлизки
с первых секунд.
Языки с слюнотечей,
запахом гнилостным.
Сладкие речи
закружили как в вальсе
под Веной.
Лезут
насытить утробу себе
и семействам,
сплодить их побольше,
чтоб были умельцы
продолжить родительский
труд династический —
главное рот и язык,
царь будет слушать их
речи языческие.

14.05.10

***

Жизнь бежит водой сквозь пальцы,
теряя драгоценный дар,
с каждой секундой
красота мира убывает,
умножая и так уже
не малую печаль.

Запечатлеть, запомнить,
насладиться
полетом птиц,
движением облаков,
грозой
и запахом дождя упиться,
цветами
и травы ковром,
рекой несущей воды вдоль,
запомнить все душой...

А тело?

Оно — земля,
здесь навсегда,
а я
уйду,
со мною память
любви к тебе,
любовь моя.
Каштанов цвет,
и восемнадцать
твоих
со мною навсегда.

Глаза в глаза,
ты помнишь все.

Я тоже.

Любовь детей,
особенно той, помоложе
что тоже любит «обака»,
«туцу доздя» —
ее слова в не полных два годка.

Любовь к Отцу небес —
свята любовь,
и без нее
ни свет,
ни солнце
любовь к родителям.
Звонко
бегут секунды,
все так открыто
повторится
в других мирах —
любовь и счастье
там навсегда.

15.05.10

***

Солнце встало рано,
а я уже стою
между двух вокзалов,
приснившихся сегодня,
после полубессонной ночи
ожидая
врага
с невидимым ружьем.
Я передерну невидимой рукой
невидимый затвор
и загоню
в невидимый всем ствол
невидимый патрон —
тебе,
мой бес,
который виден по делам,
толкающий меня на грех.
Мне выбирать.
И выбрал я ружье,
которым порешу врага,
но будут новые,
я знаю,
на пути,
мне с ними снова в бой
идти.
В моей руке горит свеча,
и крест священный на груди,
кресты на храме
с которым по пути,
и Бог,
и воины Его небес
меня поддержат,
мой крест,
который я несу,
не так будет тяжел,

хоть я грешу
в своих поступках и словах.
Но я дойду
со своей верой —
это мой штандарт.

15.05.10

***

Я столкнулся с тобою снова
Совдепия,
дочь Вавилона,
я столкнулся с тобою снова,
где любовь чистоты
потоков горных
и цветов лугов прибрежных
ты убила,
все убила —
и любовь, и людей.
Без страха
ты привыкла
кровь лить,
счастье убивала хладнокровно ты.
Смерть для тебя — основа,
ты воздвигла себя на трупах,
спецслужбы — твои руки,
они как пауки
сети ткавшие денно и ночью,
больше ухарства и доносов,
серьезные дяди в шпионов
играли,
а тебя “проституткой”
обложили сразу
в пик перестройки
нагло,
они же твои гераклы
тебя на панель, в бараки,
и смешали свои амбиции
с воровскими законами
братства,
растащили тебя, надругаются,
и получилось у них
все удачно,
так же, как убивать.

Столько лет на диво
ты лежишь в их гордыни красиво,
иногда хотят тебя сдвинуть
и поднять на новое знамя.
Совдепия!
Ты у многих — не просто
память,
ты для своих ублюдков —
святыня
их мерзких прокруток.
Они живут то с тобой, то с новой
идеей,
но как сестрой похожей,
тоже из Вавилона.

15.05.10

Содержание

Ощущение света

«Сила тоски...»	10
«Твоя судьба...»	12
«Вменяемость и невменяемость...»	14
«Все, что делается супротив...»	16
«Мир вороватый подглядывает...»	19
«Ливень весенний...»	21
«Не хочу общаться с подлецами...»	23
«Время константа...»	25
«Мне бы любви побольше...»	26
«Синь неба на глазах...»	27
«Если бы я всем мстил...»	29
«Дам, дам, дам...»	31
«Ложь в политике...»	32
«Все від неба...»	35
«Мои слова ложатся на бумагу...»	36
«Ты скоро снова придешь ко мне...»	38
«Живет человек...»	39
«Ветер с воем в подворотню...»	41
«Я смотрю ночью в зеркало...»	42
«Бог поругаем не бывает...»	43
«Вступая в должность мэра...»	45
«Не нравится власть...»	47
«Ты ищешь правду...»	48
«Мне раньше было все равно...»	50
«Город, в котором мы замерзаем...»	53
«Как много рвется...»	56
«Ветки тополя на ветру качаются...»	58
«Я так устал...»	59
«Улица старой брусчаткой покрыта...»	60
«Вирус инфекции гриппа в стране...»	63
«Гиперлюбовь к себе...»	65
«У меня нет нормальных мыслей...»	67
«Поздней осенью небо крашено...»	69
«Нас время свело полуночи...»	70
«Я не люблю, когда ночью...»	72
«Мрії пливуть...»	79
«В Україні вже стільки років...»	81
«Страх как провод...»	82
«Из роскошного автомобиля...»	83
«Наша милиция...»	85
«В стране снова...»	86

Просветление во тьме

«Ноябрь всегда суровый...»	90
«Далекий Татарстан...»	92
«Я бы на крыльях летел туда...»	93
«Все опять вернется...»	95
«Скоро выборы в стране...»	96
«Люди с похожими идеями...»	99
«Встаньте товарищ Ленин...»	101
«Я загнан, уставший...»	103
«Ты придешь ко мне не раз...»	105
«Маша! Ты думаешь мне легко без тебя?..»	106
«Часы уносят меня в зиму...»	107
«Ночью вдруг по телу враг — страх...»	109
«В Ницце, в Каннах — самовары...»	111
«Конвейер, потоки...»	113
«Дурак...»	114
«Как-то под вечер...»	115
«Целой волной пошли пересуды...»	116
«Страна моя, ты упала так низко и больно...»	117
«Кованные сапоги...»	119
«У меня все могло быть...»	121
«Ты говоришь: жить для души...»	123
«Сегодня первый снег в ветрах...»	124
«Когда живешь, лелея тело...»	125
«В мире иллюзий...»	127
«Все началось с меморандумов...»	130
«Печально вокруг...»	132
«Ночь. Всплески каких-то шумов...»	134
«Балы попсовые...»	136
«Крыши домов шапки...»	137
«Суровая плата за отсутствие...»	138
«Блестящей стрелой...»	140
«Я помню тебя без имени...»	141
«Страх паров яда...»	142
«Ворох ношенных сумок, кафтанов...»	144
«Что-то сверху не сложилось...»	146
«Весной прохладной...»	147
«Не теряйте мудрость по дороге...»	149
«Любовь — это не от одной жены к другой...»	151
«В морозах белых...»	152
«Я не хочу как чмо...»	154
«Декабрь все выше в гору...»	155
«Агрессия с озверением...»	156
«В сугробах белых...»	158
«Январь...»	159
«Рожа соединенная...»	161
«Мысли гонят в прошлое...»	163
«Огромные стаи ворон...»	165

«Одинокий протез на улице...»	167
«А помнишь?...»	169
«Огромный холст...»	170
«Сенной базар...»	172
«С давно потерянным лицом...»	174
«Глыбы льды...»	176
«Первая радость греха сладострастия...»	178
«Цвет палаток, флажков...»	180
«Порнографист от культуры совдеп...»	182
«Ветер из России...»	184
«С трудом держу своих коней...»	185
«В холодный зимовий вечір...»	187
«Хозяева жизни...»	188
«Мне память бередят...»	190
«Сегодня телепривизор...»	191
«Великая российская дурня...»	192
«В українській політиці...»	194
«На огромных евроазиатских просторах...»	195
«Вам не нужно в церковь ходить...»	197
«Мороз кусает Машу...»	198
«Женщина с серпом...»	200
«Созвучно словам «давать» или «давиться» —...»	202
«Из ада искры...»	203

Знак весны

«Зима затянулась...»	206
«Раньше вор сидел в тюрьме...»	207
«Все те же морды лиц...»	209
«Все, что связано...»	210
«Поезд времени...»	211
«Гордыня съедает мир...»	213
«Смерть съедает всех...»	215
«Чьи это рабы...»	216
«Господа!...»	218
«Всей страной бежать нам долго...»	221
«Сегодня праздник снова наш...»	223
«Мне Бог дал крылья...»	225
«Излишний интерес к гробам...»	226
«Гарцуют кони...»	228
«На тротуаре вдоль...»	230
«Предательство питательной средой...»	232
«Капли солнечного света...»	234
«Правда дури...»	236
«Идеалы Майдана...»	238
«Гатипка, типа тракторист...»	239
«Когда за спиной...»	241
«Отбиваюсь, рвусь...»	243
«Еще день один недели...»	245

«По словам клерка презконторы...»	247
«Я живу в памяти твоей...»	248
«С красных ягод рябины...»	249
«Народец споганел давно...»	250
«Когда нет в любви...»	253
«В стране нет покоя, порядка...»	255
«Их поменяли...»	256
«Он назначил сам себя...»	258
«Капли прозрачной воды...»	260
«Патриоты и патрийоты...»	261
«Ушел от тебя...»	263
«Город счерневший от выборов...»	265
«Ты оставила след...»	267
«Бесконечно стыдно...»	268
«Мерзость мрачности...»	269
«Рваною болью...»	271
«Пушистый снег...»	273
«Я — совесть страны...»	275
«Может, что-то полезное...»	277
«Судьба — прожитое...»	278
«Капитализма наши трудовые будни...»	279
«В ваших грязных руках оружие...»	281
«Как людям хочется...»	282
«Горсть земли в руке...»	283
«Великий город...»	284
«Сидят идиоты в домах и квартирах...»	285
«Экстрасенсы, колдуны...»	286
«Начало великого конца...»	287
«Слова ложатся в строки...»	288
«Земляника, нет, не ты...»	290
«От советской власти...»	292
«На листья золотые...»	294
«Типа премьер-министр, Бездаров...»	296
«Время катит...»	298
«Музейный вор...»	300
«Они идут стройными рядами...»	301
«Мысли свои...»	302
«Свет, свет, свет...»	303
«На много лет нас утащило...»	304
«Мне уже никто, никто не нужен...»	306
«Выстоять, выстоять, выстоять...»	308
«Я же не пишу сочинение...»	310
«Прибирание отделений...»	312
«Вгрызаясь грызу...»	314
«Богатый не всегда умный...»	316
«Свалка мусорных аспектов...»	318
«Первый дождь весны...»	320

Все вернется

«Я плыву над землей...»	322
«Роскошь губит Украину...»	323
«Не повторять!..»	325
«Постоянная больница...»	326
«Как мне славить Бога?...»	328
«Промывая мозги гражданам...»	330
«Первый света луч на землю...»	331
«Подкова на счастье...»	332
«Очерстевшие люди...»	334
«Город, где завяли цветы...»	336
«Секс, помноженный на деньги...»	338
«Если бы я не горел меж жерновами...»	340
«Глобальні псевдоперетворення...»	341
«Я не буду бежать за вами, деньги...»	342
«В театре, как в природе...»	343
«Уходящие в сумеречности сознания...»	344
«Первые цветы...»	345
«И снова та же банка...»	346
«Футбол опора...»	348
«Солнечный свет...»	350
«В парламенте...»	352
«Начали работать законы физики...»	352
«Суд идет!..»	354
«Люда простого осталось в стране...»	356
«Мы все догораем огарками свеч...»	358
«Я не знаю даст ли мне Бог...»	360
«В стране праздников много...»	362
«Проституированное пространство...»	364
«Партия!..»	366
«Мне стыдно перед собой...»	366
«В весеннем свете май...»	369
«Приспустив штаны...»	370
«Я отведу тебя на ту поляну...»	372
«Близ есмь при дверях...»	373
«Тени деревьев по пыльной дороге...»	375
«Все почти что ничего не понимают...»	377
«Сегодня в первый раз...»	380
«Одни вспоминают голодомор...»	382
«Маркса и Ленина сбили в бригаду...»	384
«Стабильность» фашизма...»	385
«Сколько режимов...»	387
«Жизнь бежит водой сквозь пальцы...»	389
«Солнце встало рано...»	391
«Я столкнулся с тобою снова...»	393

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

М75   Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.1. — Киев, 2011. — 400 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в леденящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художник
Валентина ПРОТОПОП

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 29.03.2011.

Формат 60х100 1/16

Фіз.друк.арк. 25,0. Ум.друк.арк. 27,78.

Зам. №

Видавництво «Неопалима купина», 01204 м.Київ, вул.Банкова, 2.

Свідоцтво про реєстрацію суб'єкта видавничої справи —

ДК №855 від 18.03.2002.

Віддруковано у Видавничо-поліграфічному центрі «Київський університет»

01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43

Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.